

Я БУДУ
ЗАЩИЩАТЬ
ТЕБЯ
ЦЕНОЙ
СОБСТВЕННОЙ
ЖИЗНИ...

ПОГУБЛЕННАЯ

добродетелью

Кора Рейли

Кора Рейли
Погубленная добродетелью
Серия «Love & Mafia»
Серия «Грехи отцов», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70106812

Погубленная добродетелью:

ISBN 978-5-17-154528-4

Аннотация

У нее есть только одна цель – стать модельером. Элита Чикаго уже неукоснительно копирует ее стиль, в частности, потому, что она дочь печально известного босса местной мафии. Когда ее принимают во всемирно известный институт моды в Париже, ее отец ставит одно условие: взять с собой телохранителя.

Анна определенно не возражала бы против нескольких недель беззаботного веселья со своим задумчивым охранником.

Присматривать за дочерью дона – почетное задание, от которого Сантино не может отказаться.

Но что касается его мыслей об Анне... Они не так уж благородны...

Летняя интрижка в Париже.

И у Анны есть только два препятствия: железная воля Сантино и... ее жених.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	29
Глава 4	42
Глава 5	64
Глава 6	80
Глава 7	93
Глава 8	107
Глава 9	122
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Кора Рейли

Погубленная добродетелью

Cora Reilly

BY VIRTUE I FALL: PART THREE (“BOOK #3”)

© Copyright © 2022 Cora Reilly

© Белякова А., перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1

Сантино

Я – верный солдат.

Быть силовиком чикагского Синдиката – предмет особой гордости. Мне нравилось ломать кости, и работа позволяла это делать, что являлось приятным бонусом. У меня хорошо получалось. И я наслаждался процессом.

Однако мне не так сильно нравилось слушать бессмысленную болтовню девочки-подростка. К сожалению, благодаря моему безжалостному характеру дон попросил меня стать личным телохранителем дочери.

Я и представить не мог, что придется играть роль секьюрити – а-ля няни – для его наследницы.

– Ты не можешь отказаться, – возразил мой отец.

Его глаза расширились от тревоги, когда я сказал, что подумаю над словами дона.

– Мы разные, пап. У меня не хватит терпения болтаться вокруг избалованной девчонки мафиози, слушать ее бесконечное нытье и то, как она треплется с друзьями. Я – солдат, а не нянька.

– Ты не можешь сказать «нет» дону. Для тебя – огромная

честь получить такое предложение.

Я помотал головой:

– Я хочу убивать. Ломать кости. Хочу уничтожить наших врагов.

– Тебе следует пересмотреть решение, – умоляюще вымолвил папа. – Если дон попросил тебя стать телохранителем для его дочери, есть лишь один приемлемый ответ, Сантино, и это – «да».

У меня не было абсолютно никакого намерения передумывать и говорить «да», что бы ни заявлял отец. Мы с Артуро – хорошая команда. Годами вкалывали вместе в качестве силовиков – и нам не надоедало. Зачем отказываться от крутой работы ради той, которую я, несомненно, буду презирать?

Неважно, что сказал Данте, я буду стоять на своем. Я – силовик.

– Почему бы тебе не прийти ко мне домой, чтобы сообщить о своем решении? – сказал Данте во время нашего короткого разговора по телефону. – В пять вечера.

Он дал отбой прежде, чем я успел сообщить ответ. Вздохнув, я смирился с чертовски неловкой встречей с доном. Данте легко умел заставить людей делать то, чего хотел, с помощью искусной хитрости.

Нажав на кнопку дверного звонка, я оглянулся на черный «Камаро» шестьдесят девятого года выпуска, надеясь, что быстро вернусь к нему и помчусь по улицам Чикаго. Всем

своим существом я ненавидел подобного рода светские приглашения и обычно избегал их.

Дверь открыл не Данте и не горничная. Передо мной, вежливо и утонченно улыбаясь, стояла Валентина Кавалларо. Она была высокой, с длинными каштановыми волосами и зелеными глазами, которые загоняли вас в ловушку, как кошка мышку. То, что она заставила меня чувствовать себя маленьким пушистым зверьком, еще больше вынудило меня настоятельно отнестись к работе в их доме.

Я кивнул и вежливо улыбнулся в ответ.

– Ваш муж попросил меня приехать.

– О, я знаю, – закивала она. – Я подумала, что было бы замечательно сразу познакомить тебя с нашей дочерью. Зачем ждать, верно?

Я прочистил горло, собираясь сказать, почему я сюда пришел, но позади Валентины появился Данте, положив руку ей на плечо.

– Сантино, – проронил он, коротко кивнув.

– Я рада, что у Анны будет способный телохранитель, – заметила Валентина, не теряя ни секунды. И одарила меня улыбкой женщины, которая умеет искусно добиваться своего, теперь-то я прекрасно понял, почему.

– Дело в том... – начал я, когда Валентина пригласила меня войти.

Данте и его жена внимательно смотрели на меня.

– Да? – спросила Валентина.

Фразы отца крутились в голове, как надоедливые мухи, от которых невозможно отмахнуться. Находясь в особняке Кавалларо и глядя на выжидающие лица, я понял, что вообще не смогу отказать. По крайней мере, пока.

Наверное, я мог бы поработать телохранителем год или два, прежде чем попросить Данте вернуть меня к выполнению прежних задач: пыткам людей с целью выудить нужную информацию.

– Обычно дети меня терпеть не могут, – сказал я, что на самом деле было неправдой. Дети тянулись ко мне, как мухи к навозу, но я не обладал достаточным терпением, чтобы выносить их присутствие.

– О, не переживай, – рассмеялась Валентина. – Анна может поладить со всеми. Она очень общительная и чуткая девочка.

Ну разумеется. Почему все родители считали, что их дети – божий дар для человечества? Талантливые и хорошо воспитанные альтруисты, когда на деле большинство из них являлись капризными, избалованными созданиями с эгоистичными наклонностями и склонностью к честности, граничащей с жестокостью.

– Я уверен, что так и есть.

Раздались шаги, и на самом верху лестницы мелькнула прядь каштановых волос. Анна Кавалларо резво спускалась по лестнице, конский хвост раздражающе подпрыгивал в такт шагам. И в качестве вишенки на торте она была одета в

клетчатый костюм, в котором даже женщина пятидесяти лет почувствовала бы себя старше, чем она есть на самом деле.

Она одарила меня улыбкой. Глаза ее блеснули от восторга.

Анна протянула мне руку, пристально глядя на меня:

– Приятно познакомиться.

Я выдавил улыбку, которая, казалось, стянула мышцы лица.

– Взаимно, – процедил я сквозь стиснутые зубы. Я лгал, но, судя по выражению ее глаз, она ничего не поняла.

Данте прожигал меня взглядом. Однако он не выглядел недовольным отсутствием у меня восторга от встречи с его дочерью. Он знал, что я смогу защитить ее, даже не испытывая к Анне симпатию.

Я отпустил маленькую ручку Анны в ту же секунду, как того требовали нормы приличия. Еще один пункт, который я чертовски ненавидел: необходимость вести себя прилично во время светских встреч.

Теперь, когда мне предстоит проводить целые дни с дочерью Данте, безудержные ругательства и вспышки ярости надо оставить в прошлом.

– Будет весело, – подытожила Анна.

Может, она думала, что я стану ее другом или личным приятелем по играм. Тогда девочку ждал неприятный сюрприз. Я должен защищать ее. Этим наши взаимодействия и ограничатся.

– Ты будешь оберегать меня ценой собственной жизни? –

спросила она, с любопытством склонив голову набок. Взгляд голубых глаз пытался поставить меня в тупик, она будто невольно проверяла, насколько я искренен.

И впервые за сегодняшний день я не соврал.

— Я буду защищать тебя до последнего вздоха.

Или до тех пор, пока дон не проявит милосердие и не избавит меня от страданий.

Анна

Когда я впервые встретила Сантино, то чуть не умерла от волнения. Раньше я видела его лишь мельком, но даже тогда от одного взгляда на красивое лицо высокого парня все во мне трепетало.

И я была в восторге, узнав, что он станет охранять меня. Казалось, с ним будет весело проводить время, поскольку он вроде бы не являлся строгим приверженцем правил. Я думала, мы хорошо поладим.

Вскоре я поняла, что ошиблась.

Поначалу Сантино еще пытался скрывать недовольство из-за необходимости приглядывать за мной, но очень быстро все стало очевидно. Он не любил детей, да и вообще людей. Ему не нравилось, когда я с ним разговаривала. Или когда чересчур громко смеялась. Или дышала рядом с ним.

Он едва ли терпел мое присутствие.

Я почти уверена, что только чувство долга удерживало

Сантино от ярости. Он мог бы запросто задушить Леонаса или меня.

Я была зла. По-настоящему. Меня воспитывали так, чтобы я всегда вела себя максимально вежливо и думала, прежде чем действовать. Папа с мамой – уравновешенны и умели контролировать эмоции на публике. И я стремилась стать такой же, как они.

Сантино сидел в домике для телохранителей вместе со своим отцом и маминым телохранителем – Тафтом. Я сглотнула, когда вошла в комнату, но попыталась скрыть волнение.

– Могу я поговорить с Сантино? – спросила я твердым голосом. И почувствовала гордость за то, как уверенно и взрослому выразилась.

Люди всегда твердили, что я старая душа, заточенная в тело двенадцатилетней девочки. Однако это не мешало им обращаться со мной как с ребенком.

Губы Тафта дернулись в ухмылке, и он встал.

– Конечно.

Отец Сантино бросил на сына взгляд, который я не смогла разгадать, и тоже поднялся на ноги. Коротко улыбнувшись мне, оба мужчины вышли. Сантино откинулся на спинку стула, приподняв бровь, словно тем самым хотел унижить меня. По выражению его лица я научилась определять то, что он не мог сказать вслух.

Я не могла больше выносить подобного отношения.

– Если ты сильно меня ненавидишь, почему согласился стать телохранителем? – Самообладание и уверенность исчезли. Я лепетала, как обиженный подросток, и ничего не могла поделать.

Сантино испустил многозначительный вздох, и я практически слышала ход его мыслей: «Началось...»

– С чего ты решила, что я тебя ненавижу?

– Но тебя раздражает все, что я делаю или говорю.

Он не возражал и не отрицал, что жутко меня задело. Я и понятия не имела, почему мне важно его одобрение. Он же обычный телохранитель.

Сантино наклонился вперед, непринужденно облокотившись локтями о бедра.

– Ты ничего не знаешь о ненависти, раз думаешь, что я ненавижу тебя. Потому что ты вовсе не раздражаешь меня.

– Но я тебе не нравлюсь.

– Ты и не обязана. Я должен всего-навсего защищать тебя. Я сжала губы, чувствуя предательское жжение в глазах.

– Ты не должен защищать тех, кто тебе не нравится. Тебе следовало сказать моему отцу «нет», раз ты терпеть не можешь работу.

– Ты не можешь отказаться, когда дон просит тебя охранять его отпрыска.

Люди редко говорят мне правду, я слышу от них приятные и льстивые комплименты. Сантино никогда не задумывался о моих чувствах, что меня привлекало и одновремен-

но вызывало отвращение, ведь я хотела, чтобы он был добр ко мне. Чтобы я тоже была ему по душе.

Я зашагала прочь, не прибавив ни слова. Мне не хотелось разрыдаться перед Сантино. Вероятно, слезы разозлили бы его и поставили меня в неловкое положение. Нет уж, с меня хватит.

Сзади послышалась тяжелая поступь.

– Анна, подожди.

Но я не замедлила шаг, продолжая идти по туннелю, соединяющему наш дом с постом охраны. Сантино догнал меня в подвальном помещении, схватив за плечо.

Остановившись, я уставилась на рослого парня.

– Кстати, если ты беспокоишься, что я буду плохо выполнять работу, потому что не целую землю, по которой ты ходишь, то не стоит. Я серьезно отношусь к задаче. Я буду защищать тебя ценой собственной жизни, хоть ты и бесишь меня.

– Звучит утешительно, – ответила я в язвительной манере, с которой разговаривала исключительно с Леонасом. Если Сантино не утруждается вести себя вежливо, то и я не буду.

Сперва его незаинтересованность во мне и нежелание вести беседу беспокоили меня, но в конце концов я поняла, как спровоцировать Сантино на какую-нибудь реакцию. Любую реакцию.

Моим любимым занятием стало раздражать Сантино до тех пор, пока он не признал факт моего существования.

Глава 2

Анна

Сидя на траве, я водила карандашом по бумаге. После-полуденное солнце грело спину. Потребовалась куча времени, чтобы уговорить Сантино взять меня на природу, дабы я могла нарисовать хоть что-то, помимо интерьера нашего дома и заднего двора.

К счастью, он отвез меня в парк недалеко от особняка, но теперь вел себя так, словно меня нет.

Я бросила на него очередной косой взгляд. Он стоял в нескольких шагах, скрестив руки на груди, и осматривал территорию. Любой, у кого есть капля здравого смысла, понял бы, что он – мой телохранитель

Я чертила карандашом по бумаге, стараясь передать острую линию подбородка Сантино и зловещий хмурый облик.

Уже долгое время я предпочитала рисовать только Сантино, о чем он, конечно же, не подозревал.

Оставалось лишь представить, что бы он сказал, если бы узнал, что все вылазки в различные места не имели смысла, поскольку я рисовала лишь его. Иногда я брала на себя сме-

лость и изображала Сантино в одежде прошлых веков, давая волю творческому потенциалу. Сегодня я выбрала для телохранителя ковбойские сапоги и шляпу.

Взгляд Сантино остановился на мне, и, как обычно, резкий блеск в его глазах вызвал у меня дрожь во всем теле. По спине пробежались мурашки. Никто другой не заставлял меня испытывать подобное. Уж точно не мальчишки-ровесники, которые ведут себя по-ребячески.

Все вокруг хотели угодить мне. Я легко могла привлечь людей на свою сторону, но социальные навыки были бесполезны против упрямства Сантино. Он решил возненавидеть работу и, следовательно, меня, и не позволял себе принять другую точку зрения.

Но я не глупа. Я знала, что нелепо влюбляться в Сантино по многим причинам, главной из которых являлось то, что между нами десять лет разницы. Но я иногда мечтала о том, что будет, когда я стану старше.

Снова сосредотачиваюсь на рисунке, заштриховывая парней-ковбоев. Погруженная в свои мысли, я слишком поздно поняла, как на меня упала тень. Вскинув голову, увидела, что Сантино пристально смотрит на меня и рисунок.

– Тебе не следовало малевать меня, – прорычал он, вырывая бумагу из блокнота.

– У тебя ярко выраженная челюсть. Она привлекает внимание, – оправдывалась я.

Было ясно, что Сантино считал, что я сошла с ума.

– И какого черта ты выставила меня ковбоем?

Я пожала плечами:

– Мне надоело изображать тебя в джинсах, рубашке и кожаной куртке все время.

Сантино покачал головой, что-то пробормотав себе под нос, и разорвал рисунок на части.

– Эй! – закричала я, вскакивая и пытаясь выхватить у него из рук клочки бумаги.

Бесполезно. Сантино попросту загородил меня и спокойно скомкал обрывки в крошечный шарик.

– Не рисуй меня, Анна. Я очень сильно разозлюсь, если мне придется отчитываться перед доном, потому что он нашел провокативные рисунки в твоей комнате.

– И чем это отличается от твоего обычного настроения? – надменно спросила я. – Ты практически Сердитый кот¹ в обличье мафиози.

Сантино смерил меня взглядом, но я привыкла к упрямому выражению лица и храбро смотрела в ответ.

– Сейчас мы вернемся домой, и ты отдашь мне все похожие рисунки, поняла?

– Поняла.

---

¹ Отсылка к кошке, ставшей интернет-мемом, звездой Сети и главным персонажем книги зарисовок «Grumpy Cat. Сердитая книга от самой сердитой кошки в мире».

Мы действительно возвратились в особняк, и Сантино сразу же последовал в мою комнату. И с грозным видом наблюдал, как я открываю верхний ящик стола, в котором хранила большинство рисунков Сантино. Затем вручила ему около двух дюжин произведений.

Он просматривал их, время от времени качая головой, а при взгляде на один даже вскинул брови. Я предположила, что это рисунок, на котором он изображен в халате Людовика Четырнадцатого.

Сантино поднял на меня глаза и прищурился.

— Это не все.

Я сделала невинное лицо.

Он указал на набросок на самом верху стопки.

— Он не так хорошо и подробно прорисован, как тот, что я видел сегодня. А значит, с тех пор ты улучшила навыки, а поскольку ты маленькая отличница, будешь хранить лучшие работы отдельно, чтобы любоваться ими.

Я покраснела и на секунду метнула взгляд в сторону прикроватной тумбочки. Сантино враскоряку подошел к ней и попытался открыть ящик, но тот оказался заперт. Мне не хотелось, чтобы Леонас получил материалы для шантажа. Сантино пошарил под кроватью, а затем ухмыльнулся.

У меня отвисла челюсть, когда он вытащил ключик, кото-

рый я скотчем приклеила к каркасу кровати, и открыл ящик.

– Тут личное, – прошипела я, но он уже схватил стопку из пятнадцати листков.

На верхнем рисунке Сантино держался за руки со взрослой версией меня. Я воспользовалась мобильным приложением, чтобы состарить себя, а затем нарисовала рядом с Сантино.

Я очень надеялась, что он не узнает меня. Однако пристальный взгляд, которым он одарил меня, разрушил надежду.

– Что тут?

Я сглотнула и пожала плечами.

– Я знаю, что это якобы ты, Анна. Тебя трудно не узнать, не говоря уже о костюме «Шанель», который никто младше семидесяти не стал бы носить.

– Носить «Шанель» всегда в моде, независимо от возраста, – возмутилась я.

– Ты больше никогда меня не нарисуешь, поняла? Последнее предупреждение. – Он вышел, не дожидаясь ответа.

Мои щеки горели от смущения, и я была на грани того, чтобы разрыдаться, когда кое-что поняла: «Сантино уделил достаточно внимания моим рисункам, чтобы заметить разницу в улучшении навыка рисования за последние несколько месяцев».

Ухмылка расплылась по моему лицу.

– Анна? – позвала мама, просунув голову в приоткрытую

дверь, которую Сантино не захлопнул до конца. – Можем мы поговорить?

Я уловила напряженную улыбку мамы. У нее были такие же полные губы, как и у меня, но теперь они сложились в жесткую линию. Неужели Сантино донес на меня? Я даже и не думала об этом.

– Что-то случилось?

– О нет, солнышко, – проворковала мама. Она вошла в комнату и опустилась на мягкую банкетку у окна.

Я устроилась рядом, гадая, в чем дело.

– Поскольку твой тринадцатый день рождения совсем скоро, мы с отцом подумали, что пора побеседовать с тобой о будущем.

Ничего неожиданного. Все хотели узнать, кому обещана дочка дона.

– И?

– Последние несколько месяцев мы размышляли над твоей возможной парой. Но не хотели торопить события, в особенности потому, что выбрали для тебя неожиданного кандидата.

До меня доходили слухи о том, что меня собираются выдать замуж за члена Корсиканского союза, чтобы укрепить силы Синдиката, но я знала папу. Он ни за что не позволил бы мне стать частью другой мафиозной семьи, поскольку был слишком обеспокоен моей безопасностью. И отец ни за что не позволил бы мне покинуть Чикаго, даже если бы это в ра-

зы сократило количество возможных претендентов.

Да и сын младшего босса не захочет оставить родной город ради меня.

– Ты ведь знаешь Клиффорда Кларка?

Мои губы сложились в букву О. Я совсем не думала о Кларке, когда кто-либо заговаривал о браке.

– Мы играем вместе в теннис. – «Вместе» в данном случае не вполне подходящее слово.

Мы никогда по-настоящему не играли в паре или друг против друга. Однако посещали теннисный клуб, а тренер иногда тасовал учеников для отработки определенных навыков. Несколько раз мы с Клиффордом оказывались в одной группе, но, кроме быстрого «привет», мы никогда, ни разу, по-настоящему не общались. Вокруг него в качестве свиты вилась компания друзей.

– Твой папа работает с его отцом. Сотрудничество важно для Синдиката, и мы стараемся создать более прочную связь между семьями. Наличие родственных отношений с политической элитой может дать преимущество.

Я пыталась вспомнить нашу последнюю встречу. Это случилось несколько месяцев назад. Он и еще несколько мальчиков сидели на трибуне, пока мы с Луизой играли в теннис. Клиффорд – высокий блондин, и в некотором роде даже красивый. Будь мои волосы светлыми, все люди, мечтающие о «золотой парочке»², были бы счастливы. Я хихикнула, за-

---

² «Золотая пара» – так обычно называют союз двух знаменитых или успешных

ставив маму озадаченно посмотреть на меня.

– Я просто подумала, что он идеально подошел бы, чтобы удовлетворить капризы тех, кто мечтает о «золотой парочке». Но Леонасу, вероятно, пришлось бы занять мое место.

– Слухи о «золотой парочке» никогда не прекратятся.

Я знала, что именно поэтому многие хотели, чтобы папа женился не на маме, а на ком-то другом.

Мама накрыла ладонью мою руку.

– Ты отреагировала намного лучше, чем я ожидала.

Я вскинула бровь.

– Я удивлена, но не понимаю, почему должна волноваться. Все вступают в брак по договоренности. – Я поджала губы, задаваясь вопросом, почему мама беспокоилась. – Или ты считаешь, что мне не место в Синдикате, если я выйду замуж за постороннего?

– Милая, ты всегда будешь частью Синдиката. Твой брак с кем-то вроде Клиффорда, чью семью высоко ценят, помог бы клану. Его семейство очень влиятельно, а если его отец станет сенатором, ситуация только улучшится.

Я кивнула. Синдикат стал бы неприкосновенен, будь у нас поддержка семьи политика. Я знала, что папа печется о нашей безопасности и хочет укрепить Синдикат. Почему бы не помочь ему?

– И у тебя было бы больше свободы в браке с человеком, не принадлежащим нашему клану. Ты могла бы изучать ис-

кусство, возможно, даже работать в этой сфере. Наши мужчины не особо либеральные.

– Вы с папой уже дали согласие?

– Нет, – ответила мама. – Сначала я хотела посекретничать с тобой.

Я прикусила губу. Странно думать о браке с тем, кого я едва знала, или в принципе думать о замужестве. Всякий раз, когда в моей голове мелькала подобная мысль, я откидывала ее. Все это казалось далеким делом будущего.

Теперь же я столкнулась с реальностью.

– Могу я пообщаться с ним завтра во время тренировки? Я хочу составить представление о нем.

– Конечно! Правда, он ни о чем не подозревает. Родители не хотят ничего ему сообщать, пока ситуация не станет более конкретной.

– Я ничего не скажу ему. Но найду предлог поболтать.

– Ты умная девочка. Я уверена, он ничего не заподозрит. – Мама поцеловала меня в висок. – Расскажи потом, как все прошло, ладно?

* * *

Луиза выглядела более взволнованной, чем я, словно именно ей предстояло выйти замуж за Клиффорда. После того как мы переоделись в белые теннисные юбки и одинаковые футболки, направились к крытым теннисным кортам.

Мой пристальный взгляд скользил по просторному залу, пока я не заметила Клиффорда на предпоследнем корте, играющего против одного из его друзей – мальчика азиатского происхождения, имени которого я не знала.

Корт рядом был пуст, поэтому я повела Луизу туда.

– Перестань пялиться на них, как будто тебе есть что скрывать, – пробормотала я, когда мы зашли на корт.

У Луизы нет ни единой жилки обманщицы. Она слишком правильная. Мы были как добрый и злой полицейский.

Она покраснела.

– Я не могу ничего поделать!

– Сосредоточься, – сказала я и бросила ей теннисный мяч, прежде чем занять позицию по другую сторону сетки.

Лишь низкий барьер отделял наш корт от соседнего, где Клиффорд и другой мальчик сошлись в жарком поединке.

Некоторое время мы с Луизой перебрасывались мячом, прежде чем я отправила его в сторону Клиффорда.

Я подбежала к заграждению. Клиффорд с хмурым видом подобрал мяч.

– Эй, смотри, куда бьешь! Ты сорвала нам игру.

Он кинул мячик, даже не потрудившись подойти. Я поджала губы. Как грубо. Он был таким, каким я его помнила: высокий и худощавый, со светлыми волнистыми волосами.

Его грубость задела меня. Я повернулась к Луизе, теперь без настроения.

Та пожала плечами. Я уже не предприняла попытки уста-

новить с ним контакт, да и вклиниться в разговор не получилось бы. Они слишком сосредоточились на игре. Позже в смузи-баре я снова попыталась счастья и устроилась на стуле за стойкой рядом с Клиффордом и его другом.

От их диалога о лякроссе³ я чуть не уснула. Вскоре к ним присоединились еще двое мальчишек. Я никогда не обращала внимания на Клиффорда Кларка, и теперь понимала почему. У нас нет схожих интересов или общего круга общения. Он был одет в поло, как типичный ученик дорогой частной школы и любимчик учителей. Биография таких парней всегда кристально чиста, как и теннисная форма.

Я знала, что у родителей Клиффорда имелись свои секреты, однако не такие темные, как у моей семьи. Мы происходили из разных миров.

Клиффорд и его друзья думали, что они – опасные хулиганы. Но я знала, как они выглядят на самом деле. Не уверена, что сумею когда-нибудь полюбить кого-то вроде него, не говоря уже об уважении.

Вчера мама спросила, могу ли я представить, что однажды выйду замуж за Клиффорда. Я всегда знала, что у меня будет брак по договоренности. Для дочери дона иного варианта не существовало. Однако прямо сейчас я не могла воспринимать Клиффорда иначе.

Четверо парней переместились за столик в столовой тен-

---

³ Лякросс – спортивная игра с мячом, в которой принимают участие две команды. При этом игроки используют стики – особые клюшки с рукоятками.

нисного клуба, выбрав сэндвичи, картошку фри и газировку. По крайней мере, в этом отношении они не были такими же напыщенными, какими выглядели.

Если бы Клиффорд заказал боул с ягодами асаи⁴ или са-шими из тунца, я бы подвела черту.

В дверях появился Сантино, явно уставший ждать.

– Почему так долго? Нельзя взять этот дурацкий зеленый сок навынос?

Я закатила глаза.

– Нам нужно отдохнуть после тренировки. Дай нам еще несколько минут.

Сантино взгромоздился на свободный барный стул.

Девушка, работающая за стойкой, немедленно подошла к нему, кокетливо отбросив волосы назад.

– Что я могу для вас сделать? Может, имбирный шот? Весьма пикантный на вкус и придаст немного бодрости.

Выражение лица Сантино едва не заставило меня расхохотаться.

Сантино бодрило совсем другое, в особенности – ножи и пистолеты.

– Черный кофе, как можно крепче.

Она улыбнулась почти укоризненно.

– Слишком много кофеина вредно для здоровья.

---

⁴ Асаи – ягоды одноименного растения семейства Пальмовые. Ягоды асаи внешне напоминают виноград, а вкус варьируется от малинового до орехового с шоколадными нотками.

Я знала, о чем он думал: «Взбесишь меня еще раз и...»

Луиза толкнула меня локтем, отвлекая мое внимание от Сантино и возвращая к столу с моим возможно будущим мужем.

Я прислушивалась к разговору Сантино с девушкой, параллельно незаметно наблюдая с Луизой за Клиффордом.

– Нет, спасибо, – отрезал Сантино, когда девушка продолжала настаивать на полезных свойствах очередного напитка.

Она перестала предлагать Сантино сок и, наконец, поняла намеки.

– Он довольно милый, – проронила Луиза, критично оглядывая Клиффорда.

Он выглядел неплохо. Однако был слишком хорошеньким для парня. Я пожала плечами:

– Он мальчик. Богатый мальчик.

– А ты богатая девочка, – прокомментировал Сантино.

Я подскочила, мои щеки запылали. Меня охватило возмущение, когда я оглянулась на Сантино, который подкрался к нам. Да, он находился рядом, но я не думала, что он будет подслушивать наш разговор.

– Она – дочь дона, – растерянно улыбнулась Луиза.

– Спасибо, что предупредила, – протянул Сантино. Он окинул глазами бар, покачал головой и что-то пробормотал себе под нос. – Сколько времени еще ты собираешься преследовать этих мальчишек? У меня не хватит терпения на неловкую подростковую влюбленность. – Он не потрудился

понизить голос.

Клиффорд и его приятели бросали на нас косые взгляды, а затем парень азиатской наружности толкнул его локтем, и все захихикали.

Я хмуро посмотрела на Сантино.

– Класс, теперь он думает, что я в него влюблена. – Спрыгнув с барного стула, я направилась к выходу, возле которого была припаркована машина, Луиза последовала за мной.

Сантино побрел за нами со скупающим видом.

– А разве это не так?

Я уперла руки в бока.

– Конечно, нет. Мама и папа собираются выдать меня замуж за Клиффорда Кларка – светловолосого парня. Он – сын политика.

Сантино взглянул на меня и зевнул.

– Я уверен, у них есть серьезные причины, – сказал это он таким тоном, словно ему все равно на то, что я выйду замуж.

Я прикусила губу и замолчала. Сантино легко мог заставить меня чувствовать себя глупым маленьким ребенком, даже не оскорбляя. Его взгляд говорил больше, чем тысяча слов.

Как странно: хотя сегодняшнее грубое поведение Клиффорда вызвало у меня желание держаться от него подальше, грубость Сантино только усилила мое стремление быть рядом с ним.

Когда в тот же вечер мама зашла в мою комнату, чтобы поговорить о Клиффорде, я не рассказала ей о своих сомнениях. Я знала, насколько будущий брачный союз важен для Синдиката, и мне хотелось внести посильный вклад.

— Наша сделка пока что не будет достоянием общественности. И из того, что я поняла: Кларки повременят сообщать обо всем Клиффорду. Родители хотят подождать, когда он подрастет и сможет понять причины их решения.

Я кивнула. Для людей за пределами мафиозного мира браки по договоренности являлись редкостью. Мать и отец парня, вероятно, боялись, что он не справится с ситуацией или случайно проболтается. Должна признать, я только порадовалась подобному раскладу. Таким образом, в ближайшее время мне не придется снова пытаться поговорить с ним.

Но я очень гордилась тем, что мои родители понимали: я достаточно сильна духом, чтобы совладать с предписанным мне будущим.

И я хочу, чтобы они продолжали гордиться мной, даже если это означало смириться с Клиффордом.

Глава 3

Сантино

Пять лет.

Пять гребаных лет.

Сегодня – годовщина того дня, когда я стал телохранителем Анны Кавалларо. И, казалось, для этой даты она сделала особую пометку в своем личном дневнике, поскольку делала все, чтобы выводить меня из себя.

Не то чтобы она не творила такой беспредел в любой другой день в году, но сегодня Анна приложила максимум усилий.

Я видел ее самодовольную мордашку в зеркале заднего вида. Стиснув зубы, сосредоточившись на длинной подъездной дорожке, ведущей к домику Кавалларо у озера.

Я скучал по «Камаро»: по неудобным сиденьям и едва уловимым вибрациям и гудению двигателя. Но на работе мне приходилось водить лимузин «Мерседес», чтобы Анна и Леонас чувствовали себя в безопасности и комфорте. Их избалованным задницам не хотелось подпрыгивать на ухабистой дороге.

– Не знаешь, есть ли у кого-нибудь из охранников сигаре-

ты? – спросил Леонас.

– Вроде один из телохранителей Софии курит, – ответила Анна, бросив взгляд на меня.

Иногда мне хотелось схватить девчонку, перекинуть через ноги и хорошенько отлупить.

– Если я застану кого-нибудь из вас с сигаретой во рту, отшлепаю обоих своим гребаным ремнем.

– Извращенец, – сказала Анна, и на секунду я засомневался, правильно ли я ее расслышал.

Она действительно так выразилась?

Я нажал ногой по педалям с большей силой, чем необходимо, резко затормозив еще до парковочных мест для автомобилей.

Анна и Леонас упали вперед. Последний ударился своей тупой башкой о пассажирское сиденье, поскольку проигнорировал мой приказ пристегнуться.

– Что за черт? – проворчал Леонас.

Не сказав ни слова, я вышел из машины, прежде чем сделал бы то, о чем Данте заставил бы меня пожалеть.

Машины Сэмюэля, брата Софии, и Карло, ее личного телохранителя, уже были припаркованы у домика. Сэмюэль был племянником Данте и интровертом, поэтому я не беспокоился, что он будет действовать мне на нервы.

Анна выбралась из «Мерседеса» следом, приподняв бровь. Она глядела на меня, одновременно разглаживая свой нелепый клетчатый костюмчик «Шанель».

– А ты, похоже, на взводе, Сынок⁵.

Я одарил ее дерзкой улыбкой, проглотив едкий ответ.

– Иди внутрь. – Кивнул на дверь деревянного домика, который, к слову сказать, был довольно просторным. – И неси багаж сама. – Я направился к крыльцу, не дожидаясь их и не вслушиваясь в спор по поводу поклажи.

Через полминуты я переступил порог дома. Из гостиной понеслись низкие мужские голоса: в комнате были Сэмюэль и Карло.

– Сантино! – крикнул Сэмюэль, коротко кивнув. – Напряженный день? – Он вглядывался в мое лицо.

– Ты даже не представляешь.

Анна и Леонас тоже зашли в гостиную.

Леонас тащил оба чемодана. Я взял лишь сумку.

– Привет, Сэмюэль. – Анна с лучезарной улыбкой обняла кузена. Затем дружелюбно улыбнулась Карло и пожала ему руку. Стоило отдать ей должное, она умела быть приветливой. Маленькая мисс Совершенство.

На лестнице прогрехотали чьи-то шаги. Я предположил, что сюда спускается София – закадычная подруга Анны и сестра Сэмюэля.

Она ворвалась в комнату, и я по-настоящему испугался. На ней было крохотное белое бикини, демонстрирующее все женственные округлости и изгибы. Сколько ей вообще лет?

---

⁵ Сына Вито Корлеоне из романа Марио Пьюзо «Крестный отец» также звали Сантино, а его прозвище было Sonny (англ.) – Сынок.

Семнадцать. Мать вашу. Я всегда забывал, что и Anne скоро исполнится семнадцать. А я по-прежнему видел в ней надоедливую ребенка.

Пять гребаных лет, и конца-края не видно. Пока ее не выдадут замуж, я должен оставаться ее телохранителем. Я очень надеялся, что Клиффи наймет охранников, как только эти двое свяжут себя брачными узами.

– Чудесные бикини. Хороший выбор, – сказала Анна, освобождаясь из объятий Софии.

Леонас кивнул и с самодовольной ухмылкой откинулся на диван.

– Точно. А ты горячая штучка.

– Заткнись! – прорычал я, хотя маленький тупарь говорил правду.

Сэмюэль шагнул к Леонасу и врезал ему по затылку.

– Следи за языком. Ты еще не дон, поэтому мы можем надирать твою тощую задницу. Вот тогда твои яйца сморщатся до размера изюминки.

– Как будто они сейчас больше этого, – пробормотала Анна, одарив Леонаса очередной сияющей улыбкой.

Как будто она уже видела чьи-то яйца.

– Мне плевать, если вы двое будете издеваться друг над другом. Меня волнует только то, чтобы вы вернулись в Чикаго более-менее живыми и не действовали на мои гребаные нервы.

– Другие наши телохранители не используют слово «гре-

баный», поскольку оно не нравится нашей матери, – заявил Леонас.

Я был близок к тому, чтобы взорваться.

– Подай официальное прошение – и мы посмотрим, насколько мне плевать. – Я повернулся к Сэмюэлю и Карло: – Я буду у охранников. Я доверяю вам их жизни.

* * *

Я не возвращался в дом до ужина, который прошел на удивление приятно, ведь Анна была занята разговором с Эммой и Софией и не думала о том, как вывести меня из себя.

Я присоединился к ним и позже, когда все расселись вокруг костра. Я не верил, что другие охранники хорошо справятся с кучкой подростков. К сожалению, Анна сидела напротив меня, а ее взгляд сулил неприятности.

– Хочу искупаться, – выпалил Леонас с усмешкой, которую я слишком хорошо знал.

Мальчик оказался копией Данте, но его способность создавать проблемы была далека от уравновешенного поведения отца. Когда я согласился стать телохранителем Анны, не принял во внимание, что мне придется заботиться и о надоедливом братце этой девчонки.

Сэмюэль покосился на меня, прежде чем повернулся к Леонасу.

– Звучит неплохо. Надеюсь, озерный монстр сожрет тебя.

Анна с вызовом посмотрела на меня.

– Мы могли бы искупаться нагишом.

Я чуть было не сказал: «Давай». У нее, вероятно, случился бы сердечный приступ, если бы она увидела всех нас нагими своими целомудренными глазами, да и я до сих пор избегал видеть Анну в каком бы то ни было раздетом виде и хотел, чтобы так и оставалось. Я допил пиво.

– Одежда останется на вас, и вы не будете себя вести как ссорящиеся малыши.

– Я не ребенок, Сынок, – пробормотала Анна.

Я пожалел, что отец назвал меня Сынком в ее присутствии. Она никогда не перестанет доставать меня ненавистным прозвищем.

Леонас вскочил и разделся до боксеров.

– Я готов. А вы продолжайте болтать. – Он побежал по дорожке и прыгнул с мостков «бомбочкой» в черную воду.

Сэмюэль присоединился к нему.

Анна наблюдала за мной с дерзкой улыбкой. Она не сводила с меня глаз, когда встала и начала расстегивать летнее платье. Я откинулся назад, пытаюсь сохранить невозмутимое выражение лица. Она хотела добиться от меня какой-то реакции. Если она думала, что маленький стриптиз вызовет у меня восторг, то ошибалась.

Анна расстегнула последнюю пуговицу, позволяя платью медленно соскользнуть с плеч. Я лишь молча уставился на нее. Я не подросток, который краснел бы и хихикал, увидев

девчонку в нижнем белье. Конечно, она уже выглядела как женщина, причем красивая женщина, но требовалось нечто большее, чтобы добиться от меня ответной реакции.

В ее глазах вспыхнул гнев из-за моего равнодушия, Анна направилась к мосткам и нырнула в воду.

Я покачал головой, встал и вытащил рубашку из джинсов.

– Я попрошу о гребаном повышении зарплаты, когда вернусь в Чикаго.

Эмма хихикнула, словно подумала, что это чертова шутка. Неужели я выглядел так, будто, мать вашу, шутил?

Игнорируя ее и Данило, я зашагал к озеру, вслушиваясь в смех Анны и Леонаса.

А потом я прыгнул в воду.

Мне нужно было остыть по многим причинам, и я искренне обрадовался тишине, хотя бы и под водой. Я вынырнул через минуту, и, к сожалению, до меня сразу же донесся громкий визг. Я плыл на спине, стараясь не спускать глаз с двух нарушителей спокойствия.

Но момент покоя был недолгим: Анна подплыла ко мне.

– Ты когда-нибудь развлекаешься? – спросила Анна, поравнявшись со мной.

– Да, когда не работаю.

Анна принялась плавать рядом, не показывая слишком обнаженных участков тела.

Я воздел глаза к небу.

– То есть когда ты не находишься рядом со мной.

Я ничего не ответил.

Она подплыла еще ближе, наши руки соприкоснулись, и я сорвался.

– Я не твой друг, Анна, а телохранитель. И я могу вести себя профессионально, чтобы спасти твою гребаную жизнь. По крайней мере, должен.

Выражение лица Анны стало холодным, но она не успела ответить, услышав вопль Софии. Я резко выпрямился, осматриваясь и хватая Анну за запястье. Она на секунду замерла и поплыла за мной.

Разумеется, Софию напугали водоросли, которые обвились вокруг ее ноги.

Анна улыбнулась мне. В кои-то веки не провоцируя.

– Ты схватил меня, чтобы защитить.

– Это моя работа.

Она кивнула, снова одарив меня странной улыбкой. Мне полегчало, когда она уплыла к Софии, чтобы поговорить о своем, девчачьем.

У меня пропало настроение плескаться, поэтому я поплыл к лестнице. В этот момент София выбралась из воды и побрела к дому, оставив Анну одну у помоста.

– Тебе надо в постель. Не хочу заботиться о тебе, когда ты простудишься, – выдал я.

Анна закатила глаза.

– Я и собиралась пойти в дом. – Она схватилась за лестницу.

– Я впереди, – рывкнул я. Мне не хотелось видеть ее задницу перед глазами, пока она вылезала.

Нахмурившись, Анна отпустила поручень и отплыла, пропуская меня. Очутившись на помосте, я обернулся.

Анна многозначительно усмехнулась.

– Мне понравилось то, что я увидела.

– Давай. Живо. – Я указал на Леонаса. – И ты тоже.

Леонас заворчал, но поплыл к нам.

Анна ухватилась за поручни и выбралась из воды. По ее коже побежали мурашки. Было чертовски холодно. Я сразу направился к костру, где мы оставили полотенца, и взял три.

Затем ринулся обратно к Анне, которая продолжала мерзнуть, швырнул на землю пару полотенец, развернул третье и протянул.

Анна позволила мне накинуть полотенце ей на плечи и одарила нежным взглядом.

– Спасибо, Сантино.

Я быстро убрал руки и кивнул, отступая. Жаль, отец научил меня быть джентльменом. Хотя большую часть времени я вел себя иначе. Анна не двигалась, продолжая смотреть на меня, кутаясь в полотенце.

Я оторвал от нее взгляд, взял оставшиеся полотенца и накинул одно на голову Леонаса.

– Эй! – запротестовал он. – Почему бы тебе не растереть меня теплым полотенцем?

– Я никого не растирал, прекрати нести чушь, – прорычал

я.

Леонас прошествовал мимо, фыркая и вытирая волосы.

Анна наконец отправилась вслед за ним. Я последовал за ней, не забывая ни на миг о работе. Когда она резко остановилась и оглянулась, я не успел замедлить шаг и врезался в нее.

К счастью, она была в полотенце.

– Знаешь, Сантино, – сказала она сладким голосом, глядя на меня из-под веера длинных ресниц. – Папа не убьет тебя, если ты вытрешь меня. – Она прижала ладони к моей обнаженной груди. – Но он убьет тебя за все остальное, чем мы вскоре займемся.

Какого хрена? Я схватил ее за запястья и опустил, затем попятился. Это игра, в которую мы не будем играть. Ставки чертовски высоки.

– Мы ничем не будем заниматься, Анна. И если ты еще раз прикоснешься ко мне таким образом, то пожалеешь.

Она выдержала мой пристальный взгляд, ее улыбка стала даже шире, а потом она развернулась и продефилировала к дому.

– Вашу мать! – взвыл я. – К черту работу. К черту все!

– Что случилось? – спросил Сэмюэль.

Я хмуро посмотрел на него. Он – кузен Анны, племянник Данте и определенно не являлся тем человеком, которому я мог бы довериться.

Возник щекотливый вопрос, и на свете было всего два че-

ловека, с которыми я мог обсудить подобные ситуации. Артуро и отец. Увы, их советы значительно отличались друг от друга.

* * *

Я встретился с Артуро, как только мы вернулись в Чикаго. Как обычно, совет Артуро оказался крайне неприемлемым, поэтому я решил поговорить с кем-то менее безумным – тем, чьи моральные устои соответствовали границам нормы.

Отец удивился, когда я пришел к нему. В принципе, мы виделись лишь на работе или семейных торжествах.

С тех пор как папа начал жить один, он никогда не приглашал меня или мою сестру на ужин или чай.

– Я подумываю об отставке?

– С должности телохранителя? – встревожился отец.

– Ну а чего же еще?

– Сантино, – начал папа строгим голосом, которым разговаривал со мной в детстве.

– Анна провоцирует меня. И, похоже, флиртует.

Глаза отца расширились от шока, но затем он недоверчиво улыбнулся.

– Анна хорошая девочка, сынок. Она не стала бы заигрывать с мужчиной до замужества.

– Она всех одурачила.

Папа снова покачал головой:

– Может, ты неправильно истолковал ее поведение. У нее нет опыта общения с мужчинами, поэтому она, вероятно, не понимает, как себя вести.

Я бросил на него пристальный взгляд.

– Поверь, она прекрасно понимает, что делает.

Неподдельное беспокойство отразилось на его лице.

– Ты ведь не поддаешься на ее попытки завязать дружбу, верно?

Он продолжает говорить «попытки завязать дружбу», словно я все выдумал. Черт, Анна хороша. Она и вправду нас одурачила. Девушка играла со мной ради развлечения. Черт.

– Конечно, нет, пап. Ты же меня знаешь.

Он одарил меня «ох, умоляю тебя» взглядом.

– В прошлом ты принимал весьма неудачные решения относительно сексуальных партнеров.

Спасибо за доверие...

– Да, иногда я трахаюсь с замужними женщинами. Но между ними и Анной есть две большие разницы. Они – не мои подопечные. И, кроме того, совершеннолетние. Важный фактор.

– Честно говоря, не думал. Из-за твоей дружбы с Артуро я волновался, что ты забудешь правила, которым я тебя учил.

– Артуро любит убивать и пытаться, что не имеет ничего общего с моими сексуальными предпочтениями. – Говорить о сексе с отцом – чертовски странно.

У каждого, в том числе и у него, могли возникнуть – или уже возникли – определенного рода проблемы, но я определенно не собирался подливать масла в огонь. С другой стороны, почти ничто на планете не могло смутить меня.

– Будь осторожен, ладно? Если ты потеряешь терпение, сразу же найдутся доказательства.

Я едва не расхохотался. Доказательства? Папа действительно думал, что я смахиваю на собаку во время течки.

– Не переживай. Я способен себя контролировать. Между нами никогда не будет тесного физического контакта.

Глава 4

Анна

Я все еще мучилась от похмелья после вечеринки в честь моего семнадцатилетия, устроенного накануне. Леонас подарил мне фляжку с водкой, которая придавала бодрый настрой во время прелюбодейного празднования.

К сожалению, сегодня меня и семью пригласили к Кларкам на ужин. Родители Клиффорда наконец-то рассказали сыну о нашем потенциальном браке, и теперь мы должны были официально встретиться. Мы не общались с тех пор, как много лет назад Сантино поставил меня в неловкое положение перед парнем.

К тому же я не видела необходимости сближаться с ним. Рано или поздно нам пришлось бы поговорить, но мне хотелось делать вид, что будущее остается загадкой.

В одном я уверена точно: я пребываю не в том состоянии, чтобы присутствовать на столь официальном мероприятии, но, как и всегда, социальные обязательства – превыше личных предпочтений. Я никогда не ныла. Мама и папа тоже не выказывали недовольства. И я знала – они заинтересованы в ужине с Кларками, как и я.

Дом Кларков представлял собой великолепный особняк, в который они недавно переехали.

Мистер Кларк, вероятно, заявлял во всеуслышание, что дом приобретен на семейные деньги жены или его зарплату сенатора, которая позволяла владеть шикарнейшей недвижимостью на Золотом побережье Чикаго. У меня имелись подозрения относительно недавнего увеличения его ликвидных средств. Если и есть что-то, чего у Синдиката предостаточно, так это деньги. Я действительно надеялась, что папе не пришлось подкупать Кларков, чтобы те согласились женить Клиффорда на мне.

Это было бы отвратительно.

Едва Леонас нажал на кнопку дверного звонка, нам открыла горничная в светло-серой униформе и повела в огромную гостиную с мягким ковром и роскошными белыми диванами. Семейство Кларк ожидало нас у настоящего камина: они разоделась так, словно собирались отправиться в оперу.

Миссис Кларк была в элегантном платье в пол фиолетового цвета, а ее супруг – в темном костюме-тройке. Клиффорд стоял, выпрямившись, рядом с отцом. Он был на несколько сантиметров выше своего старика, в схожем костюме. Да и внешне напоминал мистера Кларка. Лишь непослушные темно-русые локоны придавали ему вид мальчика-серфингиста, а не политика.

Вишенкой на торте стали сестры-близняшки Клиффорда. Кто-то заставил их надеть одинаковые белые коктейльные

платьница и впледел белые банты в две косички по бокам, словно им пять, а не двенадцать. Обе улыбались, как жуткие куклы-убийцы.

Не могу сказать, что хоть кто-то из Кларков обладал привлекательной улыбкой.

Леонас обменялся со мной взглядом и пробормотал:

– Откуда сбежали эти куклы-убийцы?

Я чуть не хихикнула, но сумела сохранить невозмутимое выражение лица. Порой меня выбивало из колеи то, насколько одинаково мы мыслили.

– Хорошо, что Беа осталась дома. Она бы расплакалась в ту же секунду, как увидела их жуткие улыбочки, – продолжил Леонас, не обращая внимания на предостерегающий взгляд мамы.

Я толкнула его локтем.

– Ш-ш!..

Клиффорд не сводил с меня глаз, пока я пожимала руки его родителям и обменивалась фальшивыми любезностями. Он выглядел почти... смущенным. Не мог поверить, что я – его будущая жена? Мне было интересно, не поссорился ли он с предками.

Он не связан теми же правилами, что и люди в моем мире, что же мешало ему отказаться жениться на мне?

Мистер Кларк указал на отпрыска и доброжелательно улыбнулся:

– Мой сын – Клиффорд.

– Мы знаем друг друга по теннису, – буркнул тот будничным тоном.

Я кивнула и протянула руку, хотя мне было неловко приветствовать жениха рукопожатием.

Затем мы все уселись за стол. Атмосфера была напряженной. Сестры Клиффорда явно опасались меня, наверное, боялись, что мы можем вытащить оружие и запросто перестрелять семейство.

Несмотря на то что мы с Клиффордом сидели друг напротив друга, мы практически не разговаривали. За исключением: «Не мог бы ты передать мне тарелку?» И вдобавок избегали зрительного контакта. Мама пыталась поймать мой взгляд и вопросительно поглядывала на меня.

Я улыбалась ей и сосредоточивалась на еде. Наконец дело дошло до десерта.

Когда горничная подкатила к столу тележку с дигестивами⁶, я решила:

– Дом выглядит как дворец. – Я надеялась, что жених поймет намек.

– Хочешь, я устрою тебе экскурсию? – спросил Клиффорд с обворожительной улыбкой, удусужившись взглянуть на меня.

Возникло ощущение, что ему хотелось сбежать отсюда. Думаю, он устал от завуалированных фразочек своих родителей так же, как и я.

---

⁶ Дигестив – так называют напитки, которые традиционно подают после еды.

– Да, конечно. – Я покосилась на папу: тот коротко кивнул.

Быстро встав из-за стола, я бросила на Леонаса неприязненный взгляд, чтобы он и не думал присоединиться к нам. Мне хотелось перекинуться парой слов с Клиффордом наедине, а не позволять брату совать нос в дела, которые его не касались.

Клиффорд сделал приглашающий жест по направлению к двери. Я вышла в холл, чувствуя неимоверное облегчение. Каждый шаг уводил меня все дальше от четы Кларков и их дочерей-близняшек. Мне повезло – это был один из немногих случаев, когда мне позволили побыть с кем-либо без родителей или Сантино.

Что тоже было приятно.

– Ты действительно хочешь осмотреть дом? – спросил Клиффорд в тот момент, когда за нами закрылась дверь.

Я помотала головой:

– Вообще-то, нет. Мне хотелось сбежать, я не слишком горю желанием возвращаться в ближайшее время.

– И я. Как насчет того, чтобы пойти ко мне? Нас никто не беспокоит.

– Давай.

Клиффорд по-прежнему ослепительно улыбался, показывая мне дорогу.

– У стен есть уши.

Я удивленно посмотрела на него.

– В прошлом у нас были некоторые проблемы с персоналом.

Я кивнула и последовала за Клиффордом в коридор, который вел в другое крыло.

– Родители отдали в мое распоряжение домик у бассейна.

Мы вошли в пристройку. В главной комнате размещался диван, плазма с плоским экраном, кухонный гарнитур и бильярдный стол. Из окон открывался прекрасный вид на бассейн и сад. Слева от меня находилась дверь, за которой, как я подозревала, размещалась спальня. И я порадовалась, что Клиффорд не пригласил меня туда, чтобы избежать неловой ситуации.

Клиффорд прислонился к бильярдному столу и перестал улыбаться.

– Тебе давно известно о сговоре насчет нас? – Его тон не был недружелюбным, однако я уловила нотку обвинения.

– Мне почти исполнилось тринадцать. Помнишь день, когда я наблюдала за тобой исподтишка, а твои друзья захихикали? Как раз за день до этого меня и просветили.

– Мои друзья думали, что ты влюблена в меня. – Он усмехнулся и с любопытством оглядел меня. – Не тот случай, верно?

Я расхохоталась.

– Определенно, не тот. И если ты думаешь, что наши родители решили свести нас, надеясь на взаимные чувства, то ошибаешься. Наш союз основан исключительно с прагмати-

ческой целью. Главное здесь – тактические соображения, а не эмоции.

– Вероятно, это должно утешить? – Клиффорд вновь усмехнулся, на его лице отразилось замешательство. Бедный парень.

– Ты вел себя грубо по отношению ко мне в тот день.

– Правда? Наверное, перегнул палку, если ты ничего не забыла спустя столько времени.

– У меня память как у слона, особенно когда это касается людей, которые грубят мне.

Клиффорд потер затылок. Ему все еще было некомфортно со мной, однако постепенно он начинал расслабляться.

– Ты разозлился. Ведь я прервала ваш сет.

– Ах да! У меня развит дух соперничества. Прости. Я ненавижу проигрывать, поэтому могу вести себя чересчур грубо, когда кто-то мешает мне сконцентрироваться на состязании.

– Спасибо, что сообщил.

– Делаешь заметки, которые пригодятся в брачной жизни?

– Несомненно.

Клиффорд покачал головой:

– Как странно. Никто из моих друзей еще не помолвлен и даже о таком не думает.

– А у меня все по-иному. В моем мире принято быть кому-то обещанным в раннем детстве или в подростковом возрасте.

– Знаю. – В тоне слышался намек на неодобрение.

Мне сразу захотелось высказаться в защиту наших традиций, но я сдержалась. Незачем ссориться сегодня.

– Но мы еще официально не помолвлены. Нужно организовать вечеринку и сделать официальное заявление.

– Отец хочет подождать, пока нам обоим не исполнится восемнадцать, – заметил Клиффорд.

Папа упоминал об этом. Кстати, у нас не принято долго ждать, особенно когда одна из сторон имела такое же влияние, как и моя семья.

– Они делают вид, что мы – несчастные влюбленные, испытывающие от страсти. Вероятно, подобная уловка заставит сомневающихся поверить в нашу пару, – продолжил Клиффорд. – Неужели кто-то может отказаться от всего ради истинной любви? – Губы парня скривились.

– Ты не веришь в истинную любовь?

– Я верю только в то, что вижу.

– Твои родители не любят друг друга?

Клиффорд одарил меня очередной обезоруживающей улыбкой.

– А твои?

Я улыбнулась в ответ и оглядела комнату. Мои родители определенно любили друг друга. Но делиться семейными секретами или чем-то личным меня не тянуло. Хотя я не уверена, что когда-либо смогу доверять Клиффорду настолько, чтобы в принципе разглашать важные тайны.

– Неплохое место, чтобы устраивать вечеринки и приглашать девушек. Здесь нет чужих глаз.

– Ревнуешь? – Клиффорд склонил голову, рассматривая меня.

Я хмыкнула.

– Ни капельки.

Это правда. Я не чувствовала, что Клиффорд – мой, у меня отсутствовало желание заявить на парня свои права. Может, оно появится, когда мы поженимся.

А ревность во мне вызвал один-единственный человек: Сантино.

Парень кивнул, но не перестал пялиться. Полагаю, он хотел разгадать меня. Ему потребовались бы на это годы, позволь я ему.

– Ты девственница?

Я не могла поверить, что он отважился на такой вопрос.

– Что? – В наших кругах было оскорблением спрашивать девушку о чем-то подобном и намекать, что она, возможно, не девственница.

– Мне любопытно. В любом случае это не мое дело.

– Не твое? – переспросила я, неторопливо шагнув к парню. – Разве ты не должен охранять меня до нашей первой брачной ночи, дабы меня никто не запятнал?

– Черт, нет, конечно! – обескураженно воскликнул Клиффорд. – Зачем ждать до свадьбы? – Он еще раз оглядел меня, задержав взгляд на моих длинных ногах.

Сегодня я выбрала наряд, который смоделировала сама и позволила нашей горничной – и по совместительству талантливой швее – сшить его для меня. На мне был симпатичный приталенный блейзер с ниспадающими рукавами-паутинками, шелковый пояс, завязанный бантом, и широкие шорты в тон, которые напоминали юбку. Поэтому мои стройные ноги казались еще длиннее, а высокие белые каблуки довершали элегантный образ.

– Значит, ты хочешь попробовать товар заранее.

– Поверь, я хочу попробовать множество товаров, не только твой.

Я вскинула брови.

– Даже не собираешься притворяться верным?

Клиффорд посерьезнел.

– Послушай, Анна, я в курсе, что ты из консервативной семьи, но у меня нет намерений останавливаться на определенной девушке. И я не собираюсь соблюдать целибат до брака. Насколько мне известно, у нас есть предварительный свод правил, но настоящий контракт вступит в силу в день свадьбы. С сегодняшнего дня ты можешь хранить мне верность, если пожелаешь, но до тех пор мы не пара, и я буду спать со всеми подряд.

Я не ожидала, что Клиффорд будет настолько прямолинеен. Мне понравилась его честность – в отличие от того, что он предложил. Даже если я не ревновала, это не означало, что меня не будут раздражать постоянные похождения мужа

с кем попало!

Наверное, он понял, что я в ярости, потому что выпалил:

– Но и ты вольна делать то же самое.

Мои губы приоткрылись от изумления.

– Ты хочешь, чтобы я спала с другими мужчинами?

Он засмеялся.

– Я бы не стал так выражаться, но да, мне плевать, чем ты будешь заниматься до свадьбы, пока ты ведешь себя сдержанно и держишься на расстоянии от папарацци. Желтая пресса нам ни к чему. Не хочу давать матери еще один повод глотать транквилизаторы пачками.

Несомненно, он пожалел о сказанном в ту же секунду, когда слова слетели с его уст. Злоупотребление таблетками определенно было секретом, который стоило приберечь на будущее.

– Ты правда не будешь чувствовать себя обманутым, если я не окажусь девственницей в нашу брачную ночь? – спросила я.

Меня не вдохновляла его мотивация. Может, он пытался заманить меня в ловушку и подвергнуть испытаниям мою добродетель. Или он хотел ослабить мою бдительность, содрав, что его мать принимала таблетки.

Клиффорд покачал головой и скривился:

– Отвечу откровенно. Меня обрадует, если ты не будешь девственницей. Мне не нравится лишать девчонок невинности. Я не в восторге от кровавых игр. Никакого секса во вре-

мя месячных и никаких девиц, что, по сути, одно и то же.

Я расхохоталась. Пошарила в кармане шорт, который был предусмотрительно спрятан в элегантных складках, в поисках сигареты.

– Можно? Или предпочтешь, чтобы я вышла на улицу?

На лице Клиффорда отразился шок.

– Ты куришь?

Я пожала плечами:

– Иногда. В основном когда нервничаю.

– Я заставляю тебя нервничать?

– Ты застал меня врасплох. Я думала, ты будешь другим.

– Все так думают, – загадочно проронил он и указал на мою сигарету. – Кури. – Парень достал пачку из ящика стола и тоже задымил. А после затяжки добавил: – Я, кстати, не девственник.

– Я не спрашивала, – фыркнула я. – Но спасибо за информацию. – Мне даже не было любопытно, с кем он ее лишился – и когда. Однако внезапно захотелось спросить Сантино о его первом разе.

Было трудно представить его неуклюжим девственником.

Клиффорд пристально посмотрел на меня.

– И если ты девственница, то повеселись немного. Главное, не брось меня у алтаря. Скандал в самом начале политической карьеры не приносит ничего хорошего.

– Амбициозный.

– Безусловно.

Я кивнула.

– Вот и хорошо. Мне нужен мужчина, который знает, чего хочет.

– Я точно знаю. Однажды я стану президентом – меня волнует лишь это.

Я постаралась вообразить себя рядом с Клиффордом через несколько лет.

Жена действующего политика. Жизнь, полная обязанностей, но лишенная свободы. Но такова была бы моя судьба в любом браке.

* * *

Рождественская вечеринка была в самом разгаре. Музыка грохотала. Какой-то пресловутый джаз, под который люди старше тридцати раскачивались взад-вперед, словно отплясывали под диско.

По неизвестной мне причине все считали джаз идеальной музыкой для вечеринок. Сегодня я присутствовала на пятой, а ведь еще только начало декабря, и я не могла больше выносить этот хаос.

Мероприятие устроил Альферас – один из капитанов папы, который занимался поставками всяких запрещенных веществ в Канаду. Я попала в числе тех немногих, кому еще не исполнилось восемнадцать: ни Софию, ни Луизу не пригласили. Я – дочь дона, поэтому всегда должна посещать свет-

ские мероприятия, какими бы скучными они ни были.

Все девушки, которые завидовали мне из-за того, что я тусовалась круглый год, никогда не испытывали ничего подобного. Им не доводилось слушать нелепые и пошлые шутки или дергаться под отвратительную музыку.

Вероятно, я сочла бы музыку приятной, будучи пьяной, как многие взрослые. Я осмотрелась по сторонам. Родители разговаривали с маминой лучшей подругой Бибианой и ее мужем Дарио во внутреннем дворике. Сантино куда-то исчез примерно пятнадцать минут назад, а значит, он не мог меня остановить. Я овладела искусством тайком добавлять алкоголь в напитки на прошлых рождественских вечеринках. Казалось смешным соблюдать законы о распитии алкоголя, когда обычные законы ничего не значили в мире мафии.

Ни за что на свете я не стала бы ждать четыре года, чтобы продегустировать вино или что-то покрепче.

Я потянулась к чаше с пуншем и быстро наполнила свой бокал, прежде чем кто-либо успел что-то заметить. Потягивая напиток, взглядом просканировала гостей. Спустя несколько минут я заскучала – я была со всеми знакома, а новых сплетен на горизонте не предвиделось, – поэтому решила найти Сантино.

Поддразнивание Сантино приносило мне больше радости, чем происходящее. Его легко вывести из себя. Порой я была уверена, что ему нравились мои подколы столь же сильно, как и мне.

В других случаях я беспокоилась о своей безопасности.

Сделав глоток пунша, выскользнула из гостиной. Сантино – мастер смешиваться с толпой, кроме того, здесь была целая толпа народа и очень шумно.

Сперва я прогуливалась по первому этажу, попивая пунш, после чего, следуя внутреннему чутью, направилась в заднюю часть дома. Сантино, вероятно, нуждался в тишине. Светские беседы всегда делали его агрессивным, ему наверняка нужно побыть наедине с собой. И мне ни в малейшей степени не было стыдно за то, что я испытывала желание потревожить его.

Он выглядел невероятно сексуально в гневе.

Из-за тяжелой дубовой двери раздались странные звуки. В прошлом году мне устроили экскурсию по дому Альфераса, и я знала, что за ней располагалась библиотека.

Проскользнув внутрь так тихо, как только можно, я осторожно прикрыла дверь.

Я любила читать, поэтому воспользовалась моментом полюбовать множеством книг, стоящих на полках, хоть их количество и разнилось с собранием в моем доме. Складывалось впечатление, что хозяева здесь редко бывали.

В наших кругах принято иметь библиотеку ради статуса, а вовсе не из любви к литературе.

Внезапно чей-то хрип привлек мое внимание, и я на цыпочках прокралась дальше по комнате.

У меня отвисла челюсть, когда я увидела голову Санти-

но, виднеющуюся из-за стеллажа. Пальцы Сантино были сомкнуты вокруг шеи миссис Альферас – жены папиного капитана. Она приоткрыла губы, а ее лицо покраснело.

Я смогла рассмотреть предплечье и руку Сантино, остальное было скрыто за нижней полкой.

Миссис Альферас стояла на коленях, опираясь на руки.

Он что, сошел с ума? Я бросилась вперед и замерла, мои глаза округлились.

– О, черт. Что за трах...

В прямом смысле слова. Сантино не пытался убить миссис Альферас голыми руками, по крайней мере, не в ближайшем будущем.

Они оба обнажены ниже пояса, и Сантино трахал ее с таким видом, словно все же хотел убить. Своим членом.

Жар охватил мое тело. Взгляд метнулся от их обнаженной нижней части тел к руке Сантино, сжимающей ее горло. Все это длилось секунду, но ощущалось как самая неловкая вечность в истории.

Миссис Альферас издала сдавленный возглас, ее глаза комично расширились. Кричать из-за того, что кто-то застукал тебя за изменой, когда муж находился буквально в соседней комнате, – не самый умный поступок, если честно.

Сантино убрал руку с ее горла и поднялся на ноги. Разумеется, я уставилась на его эрекцию. И, черт возьми, *черт возьми*, удивилась, что он не угробил миссис Альферас, учитывая, как сильно он врезался в нее. Он и правда мог убить

ее членом. Из моего рта вырвался совершенно неуместный смешок, но я не могла ничего с собой поделать.

Пошатываясь, Сантино направился ко мне, и, учитывая разъяренное выражение его лица и сложившуюся ситуацию, мне, пожалуй, следовало сбежать с места происшествия, но я не успела. Он схватил меня за предплечье, пытаясь другой рукой спрятать возбужденный член в штаны, что не очень-то получалось.

Часть меня беспокоилась, что Сантино может нанести серьезный ущерб своему половому органу. И я с удивлением продолжала наблюдать за происходящим. Даже сделала глоток пунша.

Ярость Сантино возросла.

– Перестань пялиться! – прорычал он.

– Я могла бы помочь тебе, – выпалила я, прежде чем успела обдумать сказанное. Я не это имела в виду. Несмотря на подколы, у меня никогда не хватало смелости открыто флиртовать с Сантино. Наверное, потому, что таким образом я могла выдать себя и, скорее всего, разозлила бы его еще сильнее.

Хватка Сантино была стальной.

– Даже не думай шутить, малышка. Меня не убьют из-за того, что твой отец неверно истолкует твои слова. И, уж конечно, не пристрелят за надоедливую возню с чопорной девственницей.

Я уставилась на него широко раскрытыми глазами. Он

что, дерзит мне?

Я уже привыкла к его грубости, но сейчас она вышла на новый уровень.

– Ты убиваешь всех женщин, с которыми трахаешься, или только замужних, дабы скрыть улики? – прошипела я.

– Она захотела, чтобы я схватил ее за шею. Некоторые женщины кончают, когда им становится трудно дышать. Тебе не понять. – Ему наконец удалось застегнуть ширинку, но в штанах до сих пор виднелась выпуклость.

– Если она кому-нибудь расскажет – мне конец, – захныкала миссис Альферас, заправляя шелковую блузку в юбку.

Я мысленно пожелала ей удачи справиться со складками. Оставалось надеяться, что у нее есть незаменимая горничная, которая помогла бы ей разгладить их.

– Заставь ее замолчать.

Сантино бросил на миссис Альферас испепеляющий взгляд.

– Возвращайся на вечеринку.

Пошатываясь, миссис Альферас подошла ближе.

– Ты должен заставить ее замолчать. Если она кому-нибудь разболтает...

– Заткнись и дай мне самому разобраться.

К счастью, она послушалась и отчалила из библиотеки.

– Надеюсь, она не подразумевала, что ты должен убить меня, – саркастически заявила я.

– Ты не можешь никому рассказать, – рявкнул он низким

ГОЛОСОМ.

– Что ты сделаешь, чтобы заставить меня заткнуться?

Он закатил глаза.

– Перестань вести себя как капризный ребенок. Ты в курсе, какие могут быть последствия, если об этом станет известно.

– Секс с женой капитана вызвал бы настоящий скандал. Отцу пришлось бы действовать без промедлений.

Сантино склонил голову набок, сощурившись.

– Я буду молчать, – пробормотала я.

Он удовлетворенно кивнул. И переместил взгляд на мой бокал.

– Что пьешь?

– Тебя не касается. У тебя – свои секреты, у меня – свои, верно?

Мужчина сделал шаг назад, ухмыльнувшись.

– Не переусердствуй, ладно?

Я проигнорировала предупреждение. Сейчас чаша весов склонилась в мою пользу, даже если ему это не нравилось.

Нахмурившись, я дотронулась до шеи, пытаюсь понять, почему кому-то приносило удовольствие не иметь возможности сделать вдох. Сантино проследил за моим жестом и покачал головой. Он выглядел взбешенным.

– Я понятия не имею, почему ты злишься, – добавила я, вскипая. – Ты добился того, что мне будут сниться кошмары месяцами, возможно, даже годами. Спасибо, что осквернил

мои девственные глаза. — Честно говоря, полагаю, я испытала бы несколько оргазмов, представляя, как Сантино делает со мной то, что творил с миссис Альферас.

Сантино заглянул мне в глаза.

— Не воспринимай увиденное как пример. Так бывает не всегда. У тебя может происходить совсем по-другому. — Его голос прозвучал мягче, почти утешающе.

Это было настолько ново для меня, что я еще больше встревожилась.

— Анна? — пробормотал Сантино, касаясь моего плеча.

Я прыснула со смеху. Ничего не могла с собой поделаться. Сантино беспокоился о моем психическом состоянии после извращенного шоу с миссис Альферас, что вызвало у меня приступ гомерического хохота.

Сантино отдернул руку, скривившись. О, кто-то снова чем-то недоволен.

Внезапно скрипнула дверь, заставив его оставить грубость, которую он собирался сказать, при себе.

До нас донесся чей-то возглас. Сантино схватил меня за руку и поволок к стеллажу с книгами. Потребовалось мгновение, чтобы распознать голос Дарио, который, похоже, разговаривал с кем-то по телефону.

Я сердито посмотрела на Сантино.

— Тебе не кажется, что, не затащи ты меня сюда, это выглядело бы менее подозрительно? Теперь мы ведем себя так, будто что-то скрываем.

Мама точно заподозрила бы неладное, если бы обнаружила нас, а если бы нас застукал Дарио, он бы, конечно, все рассказал папе.

Сантино испепеляющим взглядом заставил меня замолчать. Мы стояли близко друг другу в ожидании, когда Дарио закончит разговор. Наши плечи слегка соприкоснулись, и жар Сантино обжег меня сквозь шелковую ткань моей одежды.

Наверно, я бы получила от ситуации больше удовольствия, если бы не запах женских духов, исходящий от Сантино.

Я наклонилась вперед, пробормотав:

– Тебе, пожалуй, стоит смыть вонь миссис Альферас, прежде чем вернуться к гостям.

– Спасибо за заботу. Мне не впервой.

– То есть, получается, уводить чужих супругов становится твоей привычкой?

– У них шаткие отношения, они бы в любом случае изменили.

Я закатила глаза.

– Весомый аргумент.

– Может, ты еще не поняла, но это тебя не касается, Анна. Лучше убедись, что Клиффи держит руки при себе. Тебе не надо волноваться обо мне.

Что это должно означать? Мы с Клиффордом разговаривали лишь дважды после семейного ужина, когда он узнал о

нашем браке, причем оба раза во время тренировки по теннису. И до сих пор Клиффорд не проявлял ко мне особого интереса. Он сосредоточен на школе, колледже и будущей политической карьере, а я же занята учебой, модой и... Сантино.

Глава 5

Сантино

– У тебя есть что-нибудь на нее? – спросил Артуро с легким интересом.

Человеческие взаимоотношения ничего не значили для него, именно поэтому мне нравилось проводить с ним время. Я мог озвучить любую чушь, что приходила в голову, не боясь оскорбить его.

– Ничего особенного, если только ты не имеешь в виду, что иногда она очень любит приложиться к бутылке. В разумных дозах. Сомневаюсь, что этого достаточно.

– Она поймала тебя.

Вот именно. С тех пор как месяц назад застучала меня с миссис Альферас, она не переставала напоминать мне о новом козыре. И несколько дней назад воспользовалась им для шантажа, чтобы я отвез ее и лучшую подругу Софию на вечеринку по случаю дня рождения Данило. Я знал, что у этих двоих есть кое-что еще на уме... помимо того, чтобы трясти задницами в такт музыке.

Но козырь был в руках Анны, и она это прекрасно понимала.

Как и следовало ожидать, вечеринка превратилась в грандиозное шоу, которое закончилось тем, что София расплакалась из-за поступка жениха – Данило, а Анна запаниковала из-за состояния подруги. Я сильно разозлился, поскольку это было лишь вопросом времени: кто-нибудь должен был проболтаться Данте о случившемся.

Да и мой папа давно кое-что заподозрил. В общем, моя карьера шла коту под хвост, и все благодаря маленькой мисс Совершенство.

После вечеринки я потащил Анну в ее комнату в загородном домике семьи Кавалларо, где мы остановились.

– Сиди здесь и не делай сегодня никаких глупостей. Мне надоело с тобой возиться.

Анна скрестила руки на груди.

– Может, тебе лучше побыть со мной: убедишься, что я хорошо себя веду.

– Нет, спасибо. Мне хватает драмы в жизни. Уверен, Данило согласился бы со мной.

Ее взгляд полыхнул яростью. Она шагнула ко мне, одетая в наряд куклы-убийцы Чаки, который выбрала для костюмированной вечеринки.

– Может, драма тебе бы понравилась.

Я приподнял бровь. Если Анна думала, что сможет со-

блaзнить меня в подобном прикиде, то, вероятно, она пьяна еще сильнее, чем я думал. Хотя я терпеть не мог, что она употребляет алкоголь.

– Вряд ли ты можешь предложить мне то, что мне понравится.

Теперь она по-настоящему разозлилась, отчего стала еще больше смахивать на куклу-убийцу, чем на соблазнительницу.

– Мы оба знаем, что это неправда.

Мне не хотелось рассматривать варианты, которыми она располагала. Ни сегодня вечером, ни когда-либо еще.

– Тебе нужно поспать, Анна.

Я развернулся, но Анна схватила меня за руку. Стиснул зубы. Она испытывала мое терпение.

– Ты не против нарушать правила. Почему бы тебе не нарушить их со мной?

Я уставился на нее сверху вниз.

– Ты меня не привлекаешь, Анна. Я не позволю твоему отцу сдирать кожу с моих яиц ради небрежных и неопытных ласк девственницы.

– Кто сказал, что я девственница?

Я рассмеялся. У девушки на лбу было написано слово «девственница», когда она прыгала вокруг меня.

– Я охранял тебя на протяжении многих лет. Ты ни разу не оставалась наедине с парнем одна.

– Нет! Я была наедине с Клиффордом во время семейного

ужина. — Она водила кончиками пальцев по моей груди, пока я не опустил ее руку. — И он мог бы тебе многое рассказать... обо мне.

Я уже размышлял о том, чтобы отплатить Анне ее же монетой и бросить на кровать. Может, сейчас она и дурачилась, но превратилась бы в маленькую скромную девственницу как раз в тот самый миг, когда очутилась бы вместе со мной в постели.

Ни за что на свете Клиффорд не осмелился бы приблизиться к ней, когда Данте находился поблизости. Анна — отличная лгунья, но ее история звучала слишком нелепо.

Сделал глубокий вдох, сопротивляясь порыву.

— Вот мое последнее предупреждение: если ты не прекратишь идиотский абсурд, я уволюсь.

Ее губы приоткрылись.

— Ты этого не сделаешь!

Я наклонился.

— Проверим? Я годами ждал возможности уволиться.

— Если ты уволишься, я выложу всем, что ты трахал миссис Альферас.

Я не выдержал и выплюнул ей в лицо:

— Желаешь, чтобы твой отец убил меня, Анна? Я прав? Уверен, если ты его вежливо попросишь, он окажет услугу доченьке, даже не втоптав в грязь миссис Альферас или меня.

— Я не хочу твоей смерти, Сантино, — тихо и серьезно про-

ронила она, а я обратил внимание на то, что ее наряд куклы Чаки выглядел в этом контексте еще более неуместным. — Я просто хочу, чтобы ты перестал относиться ко мне как к раздражающей обузе.

— Тогда перестань вести себя подобным образом, — пробормотал я и закрыл дверь перед ее носом. Сделал очередной глубокий вдох.

В конце концов Анна должна сдаться.

Анна

С момента рождественской вечеринки в моем сознании всплывали нежелательные картины того, как Сантино трахает миссис Альферас.

И, вместо того чтобы выкинуть эти мысли из головы, мне безумно захотелось испытать на себе животную сторону Сантино. С уверенностью можно сказать одно: он был страстным любовником и у него напрочь отсутствовал контроль.

Оставалось только вообразить, каков он в постели. Слова Клиффорда о том, что я могу делать что угодно с девственностью, лишь усилило желание испытать удовольствие до свадьбы. Раз Клиффорд дал мне зеленый свет, что меня сдерживает?

Разумеется, мне придется действовать осторожно, и не только из-за Клиффорда. Сомневаюсь, что родители будут счастливы, если слухи о моем неподобающем поведении раз-

летятся по Чикаго.

Но имелись две основные проблемы, помешавшие мне реализовать план: постоянная слежка за моей семьей... и Сантино, не позволяющий мне оставаться наедине с парнями.

А еще мое необоснованное желание заняться сексом с Сантино.

Повторяю, у меня не получалось выбросить его из головы.

И выбрать его было бы разумно. Ведь у него нет моральных устоев, учитывая рисковую связь с миссис Альферас. Вдобавок он единственный посторонний мужчина, с которым я проводила наедине каждый день. Мы могли бы пошалить, и никто бы ничего не узнал.

Это оптимальный вариант. К тому же я не могла влюбиться в кого-то и заняться с ним сексом. Брак с Клиффордом усложнил бы наши отношения. Не говоря уже о том, что у меня нет времени на парня.

Я уделяла каждую свободную минуту школе и личным проектам. Поэтому о чем-то большем, чем банальная интрижка, не могло быть и речи.

* * *

Несколько месяцев спустя, когда Клиффорд пригласил меня на вечеринку в честь окончания учебного года, я увидела в этом реальный шанс. Раз Сантино отказывался видеть во мне женщину, значит, надо довольствоваться кем-то дру-

гим, а кто мог быть лучше, чем будущий муж?

Поскольку мама отчаянно хотела, чтобы я общалась с ним и, возможно, даже влюбилась в жениха, папа неохотно разрешил мне посетить мероприятие. Конечно, он настоял на сопровождении Сантино.

Тот сразу же оставил меня одну и отыскал место в углу, прихватив пиво и телефон, давая понять, чтобы его никто не беспокоил. И у него это получилось. Однако, будучи невероятно сексуальным (да и выглядел он на несколько лет старше присутствующих), Сантино, разумеется, моментально привлек к себе внимание девушек. Впрочем, он не обращал внимания на их попытки пофлиртовать, как и не обращал внимания и на мои... все эти месяцы.

Я направилась к Клиффорду, который разговаривал с темнокожей красавицей. Как я и говорила ранее, я не ревновала. В любом случае никто не знал о нашей скорой помолвке.

Когда Клиффорд заметил меня, он извинился перед собеседницей и двинулся мне навстречу. Можно с легкостью сказать, что он уже напился, и не только потому, что обнял меня за плечо. Хотя прежде он ни разу не прикасался ко мне так откровенно.

– Рад, что ты пришла.

– Я тоже, – ответила я.

Выражение лица Сантино помрачнело при взгляде на Клиффорда, но вскоре телохранитель исчез из моего поля зрения. Гости прибывали, кроме того, Клиффорд повел ме-

ня в соседнюю комнату, но и там нам не удалось уединиться. Особняк был практически набит битком.

– Не могу поверить, что родители позволяют тебе устраивать такие грандиозные тусовки.

– Они отдыхают во Флориде. Им плевать на то, что я делаю, пока персонал следит за тем, чтобы все блесло от чистоты перед их возвращением. – Он повел меня к своему домику у бассейна – единственному месту, где было тихо.

Оказавшись в домике, мы с Клиффордом подошли к бильярдному столу.

Парень прислонился к нему.

– И? Ты последовала моему совету?

– Совету?

– Немного поразвлечься?

Я фыркнула.

– Нелегко развлекаться, будучи мной. Телохранитель убежден, что веселья не существует. Видел его кислую физиономию? А все потому, что ему пришлось приехать вместе со мной на вечеринку.

– Разве ты не можешь сказать ему, чтобы он время от времени предоставлял тебе личное пространство? Когда я хочу побыть с девушкой, то прошу секьюрити удалиться.

– В этом смысле Сантино меня игнорирует, он выполняет лишь приказы папы и мамы. И, уж поверь, они не скажут ему оставлять меня наедине с парнями.

Клиффорд покачал головой и засмеялся:

- Как старомодно. Ты же понимаешь, как неловко получится, если наш поцелуй в день свадьбы будет твоим первым.
- Свадьбу ждать еще пару лет.
- Надеюсь, больше, чем пару.

Не хотелось рушить его мечты, но я сомневалась, что родители будут тянуть время до моего тридцатилетия, а уж тогда мы с Клиффордом заключим брачный союз. В нашем мире подобное невозможно.

– Почему ты думаешь, что в ближайшие несколько лет у тебя появится шанс остаться наедине с парнями?

– Ничего... просто поцелуй меня сейчас, если тебе так будет комфортней, – пробормотала я.

Клиффорд обдумал мои слова, и на его лице появилась улыбка, застигшая меня врасплох.

– Почему бы и нет?

Я промолчала. Если Сантино не хотел меня целовать, я могла набраться опыта у будущего мужа. Никто не мог ничего возразить против этого, верно?

Клиффорд оттолкнулся от стола и выпрямился. Непослушные пряди волос упали ему на глаза, и он с новой очаровательной улыбкой откинул их назад и слегка наклонился ко мне.

Клиффорд напоминал типичного соседа-красавчика. Сантино же был сексуальным, разъяренным зверем.

– Готова? – спросил Клиффорд, еще больше наклонившись. Усмехнувшись, он приподнял мой подбородок.

Я кивнула, хотя живот свело от нервов. Губы Клиффорда прижались к моим. Они были мягкими, нежными, а его глаза искали мои, чтобы увидеть, в порядке ли я. Весьма мило и заботливо, но совсем не то, к чему я стремилась. Он углубил поцелуй и придвинулся ближе, прижав ладонь к моей щеке.

Я попыталась ответить на поцелуй. Вот мое будущее. Закрыла глаза и поддалась Клиффорду, стараясь расслабиться и не потеряться в мыслях.

Дверь со скрипом открылась. Мы с Клиффордом оба повернулись на звук. Сантино маячил в дверях – с убийственным видом. Затем прокрался дальше в комнату.

Клиффорд немедленно отступил от меня, встревоженный.

Сантино схватил его за воротник, оторвал от меня и толкнул к двери. Клиффорд приземлился на пол.

– В чем твоя проблема, чувак? Здесь не Дикий Запад.

Сантино усмехнулся. Один из телохранителей Клиффорда ввалился в комнату, держа в руке пистолет.

Когда его взгляд остановился на Клиффорде, Сантино и мне, он опустил руку. Не сводя глаз с Сантино, помог парню подняться на ноги.

– Звали? – спросил телохранитель.

Клиффорд робко улыбнулся мне. Я вскинула брови. Он вытащил какой-то гаджет с красной мигающей кнопкой и нажал на нее.

Кнопка перестала мигать.

– Родители велели мне никогда не расставаться с этой штукой.

– Из-за нашего соглашения?

– Из-за угрозы моей жизни, – ответил Клифффорд.

Я кивнула. Признаюсь, мне стало отвратно: ведь жених позвал на помощь именно в тот момент, когда Сантино схватил его.

А Сантино даже не нанес ему телесных повреждений. Вероятно, мои стандарты завышены, потому что я выросла среди мужчин, которые хорошо знакомы с насилием и слишком горды, чтобы звать на помощь.

Сантино взял меня за плечо и потащил наружу, но телохранитель преградил нам путь.

– Ты не можешь уйти. Ты напал на сына сенатора. Об инциденте необходимо сообщить.

Сантино отпустил меня и шагнул к мужчине, ударившись об него грудью и глядя фирменным убийственным взглядом.

Секьюрити напоминал гору бугрящихся мышц, зато Сантино был выше, однако даже мне стало не по себе.

– Это – между семьями. Никакой полиции. И никаких чертовых официальных отчетов, понял?

Мужчина захохотал.

– Думаешь, гангстерские повадки запугают меня? Мне плевать, чего ты хочешь, Аль Капоне.

Сантино одарил его улыбкой, от которой веяло опасностью. Он без предупреждения вмазал секьюрити кулаком по

лицу с такой силой, что мужчина пошатнулся и с громким стуком приземлился на пол.

Сантино ударил его еще несколько раз для верности. Теплохранитель уже не шевелился.

Я застыла. Клиффорд выглядел донельзя ошарашенным. Похоже, его могло стошнить в любой момент.

– Проблема решена, – кратко заявил Сантино. – Сегодня он не сообщит в полицию.

– Он умер? – выдавил Клиффорд.

Сантино посмотрел на него с жалостью и подошел поближе. Клиффорд попятился.

Сантино явно наслаждался страхом Клиффорда, судя по довольному блеску в глазах.

– И ты держишь свои руки и язык – и особенно свой член – при себе до брачной ночи, ясно?

Клиффорд поспешно кивнул.

– Сантино! – запротестовала я, но он сграбастал меня за плечо и поволок прочь.

Когда мы поспешно шли к автомобилю, гости, собравшиеся во дворе, смотрели на нас, разинув рты.

Сантино практически затолкал меня в машину, обогнул капот и, не прибавив ни слова, сел за руль.

Я проскользнула на пассажирское сиденье.

– Твое место сзади, – пробормотал Сантино и завел двигатель.

– Сегодня мне хочется ехать впереди.

Он надавил на газ. Меня прижало к сиденью, когда он резко повернул на дорогу, не давая возможности пристегнуть ремень.

Я вглядывалась в его профиль. Единственное, чего не хватало, — это дыма, поднимавшегося из ушей, настолько Сантино выглядел разозленным. Но я сдержала усмешку.

Он нахмурился:

– Не будь чертовски самодовольной.

– Ты разозлился, потому что я поцеловала Клиффорда.

– Я защитил тебя. Если твой отец узнает, что ты лбызалась с Клиффи в мою смену, он будет недоволен. И неважно, что он твой жених.

Я закатила глаза.

– Ты защитил меня от Клиффорда?

На лице Сантино промелькнул намек на веселье.

– Он представляет опасность для твоей добродетели.

– Когда ты морализируешь, все звучит уж очень странно. Ты наименее добродетельный человек, которого я знаю. Ты трахнул замужнюю женщину.

– А вот это не твое дело. Тебе стоит беспокоиться о своей достоинствах, а не о моих.

– Клиффорда не волнуют ни моя невинность, ни наши правила. Он сказал, что ему все равно, буду ли я с другими парнями до свадьбы.

Сантино с отвращением покачал головой:

– Чертов идиот.

– Почему?

Сантино затормозил на красный свет и повернулся ко мне:

– Если бы ты была обещана мне, я бы позаботился о том, чтобы ни один парень в мире не приблизился к тебе ближе чем на километр.

– Поэтому ты напал на Клиффорда? Значит, ревновал?

– По-твоему, я должен ревновать? Анна, ты – моя подопечная. Моя работа – защищать тебя.

– Ты мог бы первым меня поцеловать, но не пожелал.

Сантино нажал на газ.

– Я – твой телохранитель, а ты еще несовершеннолетняя.

– Через несколько месяцев стану ей, Сынок. Не будь чопорным, как папа.

– Какого черта мы все это обсуждаем? Я не намерен тебя целовать. Ни сейчас, ни когда-либо в будущем. Ты – моя работа, Анна. – Сантино говорил одно, а его глаза – совершенно другое.

Последние несколько месяцев я раскалывала каменный фасад кирпичик за кирпичиком. И я использую шанс, прежде чем Сантино восстановит свои стены.

– Тебе следует быть осторожнее с Клиффи. Его отец – подлец. Даже если твой жених всегда выглядит милым и сентиментальным идиотом, это может быть лишь игра. Яблоко от яблони недалеко падает. Он говорит, что ему плевать на наши правила и традиции? Но имей в виду, он может использовать их против тебя. Если он начнет хвастаться тем, что

поцеловал тебя, до наших людей рано или поздно долетят слухи. Тебя будут судить по нашим устоям, а не по устоям Клиффи.

– Он слишком боится тебя, чтобы упомянуть о поцелуе. Сантино ухмыльнулся.

Я покачала головой. Украдкой улыбнулась и чуть наклонилась к Сантино. Он послал мне предупреждающий взгляд и заметно напрягся. Стоило признать, меня задел его язык жестов.

Сантино никогда не уклонялся от опасности или боли, но мой флирт заставлял его нервничать.

– Кстати, Сантино, я хотела, чтобы это был ты. Я представляла тебя. И видеть, что ты защищаешь мою добродетель, как кровожадный, сумасшедший рыцарь в сияющих доспехах, было самым сексуальным зрелищем в моей жизни.

Сантино вздохнул и крепче сжал руль. Я откинулась на спинку сиденья и ухмыльнулась.

– Не воображай меня, когда целуешь Клиффи. То, что он считает поцелуями, является оскорблением для любого, у кого есть яйца. Выражение твоего лица такое же, как у моей бабули, когда я чмокаю ее в щеку. У женщины, которую целует мужчина, с которым она связана, – другой взгляд.

– Если считаешь, что у тебя получится лучше, чем у Клиффорда, то докажи. И я сделаю вывод. Обещаю, буду честна.

Сантино сухо процедил:

– Мне не нужно ничего доказывать.

– Ладно. – Я пожала плечами и посмотрела в окно.

Сантино что-то глухо проворчал. Я надеялась, что смогу спровоцировать его физический контакт.

Поцелуй с Клиффордом пробудил во мне... желание. Он был приятным, и, готова поспорить, у многих девушек первый поцелуй был хуже. Однако это совсем не то, чего я хотела. Я мечтала о фейерверках, бабочках, сеющих хаос в жизни, и бешеном стуке сердца. Но ничего подобного не ощутила.

Поцелуй с Сантино точно не будет ни приятным, ни нежным. И я жаждала его.

Даже у железной воли моего телохранителя должны быть пределы, и если кто и мог ее сломить, то только я.

Глава 6

Сантино

Анна практически взлетела вверх по лестнице по пути в свою комнату, вероятно, чтобы поболтать с лучшими подругами о скучной детали поцелуя.

Мой пульс участился, когда я вспомнил тот момент, когда наткнулся на парочку. Видеть, как губы Клиффорда слились с губами Анны...

Я жаждал убить сосунка самым жестоким способом. И уже подумывал о том, как позвоню Артуру и проведу выходные за расчленением Клиффи. Он не достоин ее.

Мужчина должен оберегать свою женщину. Клиффи не способен защитить Анну даже от маленького ребенка.

Я сказал Анне, что беспокоился о ее добродетели... что было полуправдой. Мне хотелось защитить ее добродетель от Клиффи и всех остальных парней, чтобы потом сокрушить ее. Проклятье.

За последние месяцы все покатилося под откос. Разум не мог перестать видеть в Анне расцветающую женщину.

И она – чертовски великолепная и соблазнительная женщина – умела правильно показать свои достоинства.

И знала себе цену, черт подери.

Я – ходячий труп.

– Сантино, – резкий голос Данте вырвал меня из неуместных размышлений о его дочери.

Я повернулся к дону. Данте стоял перед дверью кабинета в конце коридора, мрачный взгляд мужчины наводил на мысль, что он кое-что заподозрил.

И, уж конечно, такое выражение лица Данте никогда не сулило ничего хорошего.

Я направился к нему и посмотрел на дона в упор.

– Я бы хотел поговорить с тобой наедине, – отчеканил Данте.

– Без проблем. – Я вошел в кабинет, сел напротив стола и намеревался подождать, когда Данте устроится в кресле.

Однако он продолжал стоять и теперь нависал надо мной.

– Мне звонил сенатор Кларк.

– Клиффорд – мелкий стукач.

Данте прищурился.

– Тогда, полагаю, мне не лгали, когда доложили, что ты избил одного из телохранителей Клиффорда и угрожал мальчику.

– Мальчик засунул язык в рот Анны. Ему повезло, что я его не отрезал.

Дон был шокирован. Глаза Данте вспыхнули гневом, но вскоре его лицо вновь превратилось в бесстрастную маску.

Он посмотрел в окно, вероятно, пытаясь взять себя в ру-

ки. Оставалось только гадать, как на него подействовала бы новость, что Клиффи обхватил Анну своими лапами.

– Анна и Клиффорд обещаны друг другу.

– Что не дает ему права прикасаться к ней.

– Безусловно.

– Эти люди не разделяют наши ценности. У них нет чести.

Он может посягнуть на добродетель Анны, а затем отказаться жениться на ней. – Черт, я опять вернулся к теме добродетели, как будто имел хоть малейшее понятие об этом.

Анна права. Мне чуждо понятие добродетели.

– Я разберусь с Кларками, а ты держи себя в узде – особенно рядом с мальчиком. Не хочу разбираться с Максимо Кларком. Он просил меня наказать тебя за проступок и снять с должности телохранителя Анны.

Если бы Кларк был мафиози, то мог бы попросить Данте убрать меня с должности телохранителя. Но, с другой стороны, – Анна станет частью его семьи.

– И ты согласился?

– Нет. Он не понимает наших правил, а я не позволю ему устанавливать новые.

Я кивнул. Многие люди в Синдикате уже обеспокоены тем, что союз с Кларками ослабит наши традиции и в конечном итоге принесет нам больше рисков, чем пользы.

Кроме того, меня волновало то, что Анна заслуживала лучшего.

Данте буравил меня взглядом, его глаза практически про-

свечивали меня, как рентгеновские лучи.

– Я хочу убедиться, что ты защищаешь Анну по правильным причинам.

Я ступал на опасную тропу.

– Я защищаю ее из-за клятвы. Я всегда служил тебе и Синдикату, и это не изменится.

Данте кивнул, но я не был уверен, что окончательно убедил его.

Проклятье. Если бы он просек, что Анна заигрывает со мной, а у меня возникло хотя бы малейшее желание сдать, он бы использовал мои яйца как рождественское украшение.

Я встал, когда стало ясно, что разговор окончен. Покинув кабинет, я направился вверх. Мне надо побеседовать с Анной. Ей нужно использовать свои великолепные навыки лжи на отца. Я не умру по такой глупой причине.

Я постучал в дверь. Сейчас я предупрежу Анну – в первый и в последний раз. Я закончил играть по-хорошему.

Анна растянулась на кровати, лежа на животе. Она трепалась с Луизой по мессенджеру.

Последнее, что я услышал, было:

– Ты бы видела выражение его глаз.

Если она начнет мечтательно говорить о глазах Клиффи, меня стошнит.

Я ринулся к ней, выхватил телефон из ее рук и выключил.

– Эй! – воскликнула Анна, вставая на колени и пытаясь отобрать телефон.

Я засунул его в задний карман.

Анна бросилась вперед и вцепилась в мой ремень, чтобы подтащить ближе и дотянуться до телефона. Я не ожидал, что она настолько напористая. Мне казалось, она будет испытывать угрызения совести, прикасаясь ко мне вот так.

Очевидно, я ошибался. Ее лицо очутилось прямо напротив моей промежности, пока она пыталась залезть в задний карман моих штанов.

Я взял ее за плечи, оттолкнув на расстояние вытянутой руки.

Она глядела на меня с застенчивой улыбкой.

– Тебе просто следовало бы вежливо попросить, чтобы я потрогала твою задницу, Сынок.

Я сделал шаг назад, прищурившись.

– Именно из-за подобной глупости меня и убьют.

Она вскинула брови.

– Твой отец подозревает, что за моим нападением на Клиффи стоит нечто посерьезнее, чем просто чувство долга.

Анна вскочила на ноги.

– Он что-то заподозрил?

Я преодолел расстояние между нами и прорычал:

– Это не гребаная игра, Анна. Но, имей в виду, меня не убьют из-за твоих выкрутасов.

– Если тебя и убьют, – надменно заметила она, – то лишь по той причине, что ты не сумел устоять передо мной. Это твоя проблема, а не моя.

Точно. Мне надо себя контролировать. Но рядом с Анной? Возле нее я терял самообладание. А она хорошо меня знала и нажимала на все мои кнопки... а мне это действительно нравилось.

– Проблемы уже нет.

– Как скажешь.

– И ты перестанешь меня провоцировать. И держись подалеже от Клиффи.

Анна подошла еще ближе, и ее аромат, напоминающий весну, океан и проклятый солнечный свет, ударил мне в ноздри.

– Почему ты сердишься, Сантино? – спросила она с понимающей улыбкой. Она была слишком умна, чрезвычайно хитра и чертовски красива.

Анна

Я поспешила вверх по лестнице и связалась с Луизой по мессенджеру, как только добралась до спальни.

Растянувшись на животе, рассказала ей о поцелуе, желая оставить самое лучшее и вкусное напоследок.

– Ну и как? – с любопытством спросила Луиза. Наверняка подруга сидела за пианино. Она не проводила ни дня без музыки.

Какое-то время я пыталась быть такой же, но Луиза не просто любила музыку, она жила ею, а я – нет.

Зато я постоянно рисовала, особенно людей и одежду. В моем случае музыка была способом настроиться на что-либо или сосредоточиться.

– Приятно.

Луиза состроила страдальческое лицо.

– Не похоже, что тебе понравилось.

– Еще как понравилось. По ощущениям напоминало увеселительную поездку на одном из тех водных аттракционов в тематическом парке, который мы однажды посещали.

– Тебе было скучно. После водных аттракционов ты каталась только на самых сумасшедших американских горках.

Я ухмыльнулась, вспомнив тот день. Сантино жутко злился, поскольку ему приходилось кататься со мной каждый раз. Но несколько раз я уловила восторг в его глазах. Он просто скрывал от меня свои эмоции: ведь уже тогда он привязался ко мне.

– Поцелуй неплох. Как и Клиффорд. Думаю, он и впрямь хорошо целуется.

Луиза молча смотрела на меня. Затем вздохнула.

– Я знаю тебя, Анна. Хорошо – совсем не то, что ты ищешь.

Я прыснула со смеху.

– Сантино нас поймал.

Луиза скорчила понимающую гримасу, дескать, все подстроила именно я.

– И?..

Я закусил губу, в животе запорхали бабочки.

– Ну... – Луиза задумалась и продолжала: – А сейчас у тебя мечтательное выражение лица, но ты уже не говоришь о поцелуе с Клиффордом.

Сантино отмахнулся от нее. Речь шла не о поцелуе или Клиффорде.

– Сантино рассвирепел. На мгновение я подумала, что он убьет Клиффорда. Он схватил его за воротник и стащил с меня.

– Он лежал на тебе?

– Хм... Он наклонился ко мне, но дело не в этом. Сантино проявил заботу.

– Ты уверена, что он не просто выполнял приказы твоего отца?

Я помотала головой, не в силах сдержать улыбку и волнение.

– Ты бы видела выражение его глаз.

Сантино ворвался в мою комнату как сумасшедший.

Мордашка Луизы на экране телефона искажилась от страха. Нормальная реакция на убийственный взгляд Сантино. Однако меня переполняло желание к нему. Сердце забилось быстрее, и бабочки вновь замельтешили в животе.

Вот та самая реакция, которую я жаждала.

– Почему ты сердишься, Сантино? – спросила я.

Мы с Сантино стояли близко, достаточно близко друг к другу. Я вдыхала запах его лосьона после бритья – знакомый аромат, о котором я часто грезилась с тех пор, как впервые почувствовала его много лет назад.

В карих глазах Сантино плескался гнев, но это было еще не все.

Сантино выглядел так, словно разрывался между желанием поцеловать меня и убить. Мне, как и любому здравомыслящему человеку, следовало опасаться его ярости, но желание кипело в венах.

Страх был слабее потока желания, которое я испытывала, когда видела разъяренного Сантино. Он напоминал зверя в клетке: дикого, хищного, необузданного.

Он был тем безумным аттракционом, в котором я нуждалась до замужества и политической карьеры Клиффорда. Брак заключит меня в клетку, жизнь превратится в череду обязанностей и приятных поцелуев. Сантино вождедел меня. Может, он не осмеливался себе признаться и, уж конечно, показать, но я видела это по его глазам.

Через несколько месяцев я достигну совершеннолетия, и в глубине души я понимала, что тогда все рамки нарушатся. И Сантино, в конце концов, сдастся. Это только вопрос вре-

мении и моей настойчивости.

Я понизила голос до соблазнительного шепота:

– Думаю, мне известна причина. Ты злишься на себя за то, что хочешь меня. Но больше всего тебя бесит то, что Клиффорд поцеловал меня первым.

Сантино мог взорваться в любой момент.

– Ты... – хрипло начал он. – Черт бы тебя подрал. – Он схватил меня за шею и притянул к себе.

Наши губы слились в поцелуе. Воздух покинул мои легкие. Поцелуй был ошеломляющим. Похожий на безумные американские горки... с переплетением языков и покусываниями.

Сантино потребовал, чтобы я позволила ему взять верх в поистине диком поцелуе, и я поддалась ему, потому что знала – оно того стоило.

Его глаза сверкали. Он пытался сопротивляться. Но уже не мог. Его хватка на моей шее усилилась, он углубил поцелуй и стал более настойчивым. Сантино прижался всем своим телом к моему, заставив меня попятиться к кровати.

Мысли улетучились, а желудок скрутило от нервов и волнения.

Внезапно Сантино отпустил меня, и я едва не упала на постель.

Я хватала ртом воздух, когда он перестал держать меня в плену своих губ.

Мужчина впился в меня взглядом: глаза полуприкрыты

и продолжали гореть яростью, губы приоткрыты, он шумно дышал.

– Это просто поцелуй.

– Нет! – Я вскочила. – Нет! Не просто поцелуй.

Сантино прищурился.

– Необузданная ярость, обернутая в поцелуй. Настоящее откровение.

Сантино помотал головой:

– Если тебе понравился гневней поцелуй, то понравится и гневный секс. – Он замолчал, на лице промелькнуло сожаление. Но он не мог взять свои слова обратно.

– Наверняка, – прошептала я. Услышав, что Сантино впервые употребил это слово в прямом смысле, я почувствовала дрожь возбуждения.

Он отступил назад, стиснув челюсти.

– Подобное никогда не повторится. Хотя мне вообще не следовало тебя целовать.

– Но ты хотел и безумно сожалеешь о том, что мой первый поцелуй достался не тебе. Ты не захотел целовать меня тогда, поэтому Клиффорд тебя опередил.

Сантино глубоко вздохнул.

– Он твой будущий муж.

– Клиффорду плевать, чем я занимаюсь до свадьбы.

– Меня не волнует, что позволяет себе Клиффи. Я – солдат Синдиката и соблюдаю правила.

Я фыркнула.

– Скажи это мистеру Альферасу.

Он трахнул жену капитана и теперь разглагольствует о правилах?

– Не имеет значения. Я не буду игрушкой до твоей свадьбы с Клиффордом.

– Почему? Раньше ты был игрушкой замужних женщин, но не можешь быть моей? – Мне не по душе это слово, но Сантино начал первым. – Клиффорд развлекается перед свадьбой, почему бы и мне не повеселиться?

Сантино покачал головой, теперь на его лице не отражалось ни единой эмоции.

– Убедись, что твой отец не будет думать о нас. Заставь его поверить, что ты хорошая девочка, а я твой послушный телохранитель.

– Полагаю, я была более убедительна до того, как ты поцеловал меня.

– Твои навыки вранья – выше среднего. У тебя получится, – пробормотал он, повернулся на каблуках и ушел, но прежде... бросил мой телефон на пол.

Я издала яростный крик. И посмотрела в потолок, слушая свой учащающийся пульс и колотящееся сердце, чувствуя влажность между ног и жар в животе. Если лишь один поцелуй с Сантино сотворил со мной такое, то я понимала, почему миссис Альферас рисковала репутацией ради секса с ним.

У моей свободы есть срок годности. Что бы я ни хоте-

ла испытать, мне нужно поторопиться сделать задуманное до свадьбы с Клиффордом. Мне необходимо проникнуться духом авантюры, пока имелась реальная возможность. Мне не предначертано встретить любовь жизни. Однако хотелось испытать страсть и азарт, опасность и безудержную радость. Собрать множество воспоминаний, прежде чем будущее настигнет меня.

Глава 7

Анна

Сидя в своей комнате, я экспериментировала в рисовании разных образов вечернего платья. Меня всегда успокаивало ощущение того, как карандаш царапает бумагу. Поцелуй с Сантино возбудил меня.

Мне хотелось большего. А еще – отплатить Сантино за то, что он вел себя как придурок, что противоречило моему желанию... а может, и нет.

Я скомкала бумагу. Было трудно сосредоточиться на рисовании.

– Анна!

Я застонала.

– Анна! – Поступь атакующего носорога прогремела в коридоре, а затем и по направлению к моей комнате. – Анна!

Я вздохнула.

Дверь распахнулась, на пороге стоял Леонас.

– Что?

Он ухмыльнулся и прислонился к дверному косяку, размахивая каким-то конвертом.

Я прищурилась.

– Что это?

Он с торжествующей улыбкой пожал плечами.

Я продолжила лишь пристально смотреть. Если бы я показала Леонасу собственную заинтересованность, он бы принылся за свои подколы с новой силой.

После вчерашней ссоры с Сантино мне было не до игр.

– Письмо из Франции.

Я оживилась.

– Институт моды.

Вскочила со стула и бросилась к Леонасу.

– Отдай!

Улыбка Леонаса стала шире. Парень поднял конверт над головой, держа его в вытянутой руке.

Я изо всех сил пыталась выхватить конверт, но Леонас был выше и сильнее.

Прошли те времена, когда я могла надрать его тощий зад.

– Леонас! – прошипела я.

– Я хочу кое-что взамен.

Я прекратила бороться с ним и скрестила руки на груди.

– Я хочу пойти на вечеринку⁷ по случаю восемнадцатилетия Клиффорда.

– Папа запретил тебе посещать любые вечеринки, поскольку ты совсем отбился от рук.

– Он даже не будет в курсе, ведь ты проведешь меня на тусовку тайком.

---

⁷ В оригинале слово *bash* (англ.) переводится и как «оргия».

– Сантино и Клиффорд узнают тебя, болван. Поэтому лишь вопрос времени, когда папу просветят на твой счет.

– Ах-ах! – захихикал Леонас и шутливо погрозил мне пальцем, который мне сразу же захотелось откусить. – Но ведь Сынок и Клиффи пляшут под твою дудку, сестренка.

Я ненадолго задумалась.

– Ладно.

– Рикардо и ЭрДжея, ну то есть Рокко, – тоже.

– Ни за что! – процедила я, бросившись на Леонаса в попытке наконец вырвать письмо из его рук. Ударила парня кулаком в солнечное сплетение, но он лишь засмеялся.

Повалил меня на пол и уселся сверху.

– Слезай! Я согласна. Проведу вас – трех дураков – на вечеринку, но не отправлюсь ко дну вместе с тобой, если тебя спалят. И я не хочу, чтобы вы ходили за мной по пятам, как потерявшиеся щенки.

– Ты не поверишь, сестренка, но мы можем развлечься и без твоей помощи.

Как будто я не знала. Эта троица доставляла мне кучу проблем.

– Проваливай.

Леонас вскочил на ноги и бросил письмо мне на живот. Я тут же села и разорвала конверт трясущимися руками, а после – быстро прочитала, а затем – еще раз, желая убедиться, что все поняла правильно.

Мой французский хорош, даже очень, но я чересчур нерв-

ничала, чтобы доверять своему мозгу.

– Скажи, что здесь написано, – попросила я, протягивая письмо Леонасу. Мои пальцы до сих пор дрожали.

Леонас выгнул бровь, взял письмо и застонал.

– Французский, серьезно?

– Читай!

Он пробежался глазами по тексту, и на его лице отразилось удивление.

Мое сердце колотилось.

– В общем, ты зачислена на факультет дизайна и моды по программе бакалавриата.

Я взвыла от волнения и вскочила на ноги, обнимая Леонаса. Он посмотрел на меня обеспокоенным взглядом, словно думал, что я схожу с ума.

– Хочешь изучать моду в Париже?

– Да это моя мечта на протяжении многих лет! – Я никому не рассказывала о подаче документов, даже Луизе и Софии.

Я чувствовала себя неуверенно, что осмелилась мечтать об изучении моды в Париже. И теперь, когда моя мечта могла стать реальностью, возник новый страх: что, если мне не разрешат полететь во Францию?

Леонас вернул мне письмо.

– Папа в принципе не согласится, Анна. Он бы не позволил тебе переехать в соседний город, не говоря уже о стране на другом континенте.

Я сглотнула. Леонас прав. Он озвучил мои опасения. По-

ступление в институт было лишь началом битвы. Самое трудное ждало впереди: убедить отца отпустить меня. Именно поэтому я не сообщала родителям о своих планах подать заявку на участие в программе. Но поскольку меня приняли, шансы убедить маму и папу выросли в геометрической прогрессии.

Они не отнимут у меня мечту. При необходимости я даже надавлю на чувство вины.

– Я умею убеждать.

– Но не настолько. Долгое время тебе не разрешали ходить в школу, помнишь: родители хотели быть уверены, что тебе не грозит опасность. А ты считаешь, что папа пойдет тебе навстречу?

– Война с Каморрой пока что пребывает в состоянии латаргии. Ничего существенно важного не произошло с тех пор, как Серафину похитили.

– Скажи это папе, а не мне. – Тон его дал понять: брат не верил, что у меня получится.

Я развернулась на пятках и направилась вниз, но не в сторону кабинета папы: отца, вероятно, даже не было в особняке, – а к маме.

В основном она работала дома, чтобы проводить с нами максимум времени, особенно с Беа, которая все еще нуждалась в ней больше, чем мы с Леонасом.

Если я собиралась убедить папу, то сначала нужно заняться мамой.

Я постукала и принялась ждать, крепко сжимая письмо в руке. На письме отпечатались контур пальцев. Я не могла вспомнить, когда в последний раз у меня так потели руки.

– Входите! – крикнула мама.

Я приоткрыла дверь и застенчиво улыбнулась:

– Есть время поговорить?

Мама сидела за белоснежным столом с одной диагональной ножкой. Он был шедевром дизайна. Мы с мамой вместе его выбрали.

Она тепло улыбнулась: всегда находила для меня минутку, как бы занята ни была. Я скучала по разговорам с ней.

Подошла к ней и протянула письмо. Она взяла его, слегка нахмурившись, и начала читать. После медленно опустила на стол и потрясенно посмотрела на меня.

– Ты подала заявление в Парижский институт моды?

– Это не просто институт моды, мам, а почти наилучшая школа дизайна одежды в мире.

– А в школу Чикагского института искусств ты подавала заявление?

– Да. – Это учебное заведение имело отличную репутацию. Я могла бы изучать дизайн одежды на родине. Но Чикаго – не Париж или Нью-Йорк.

Мама кивнула и снова взглянула на письмо, как будто до сих пор не могла поверить в реальность происходящего.

– Париж. – Она покачала головой. – Анна.

– Мам! – взмолилась я, хватая ее за руку. – Ты знаешь, как

сильно я люблю рисовать, как горю творчеством, как сильно хочу заниматься дизайном моды, и Париж – лучшее место моих устремлений! – Я указала на платье, в котором была: – Я сшила наряд сама.

Платье гаммообразного зеленого цвета со скрытыми карманами на юбке, куда можно положить телефон или вообще все необходимое.

– Конечно, но Париж далеко, и это не короткая летняя программа, а трехлетний бакалавриат.

– Мне вовсе не обязательно учиться три года. Я могла бы начать обучение, а если вы с папой сочтете, что мне пора возвращаться в Чикаго, я прилечу сюда. Но подумай вот о чем: время, проведенное за границей, особенно во Франции, произведет впечатление на всех заносчивых друзей Кларков.

Мама понимающе улыбнулась.

– Попробуй позже сказать это отцу, может, сработает.

Я опустила перед мамой на пол и положила голову ей на колени, как делала в детстве.

– Я знаю свои обязанности. Выйду замуж за Клиффорда, чтобы Синдикат и семья стали еще сильнее. Мое будущее – быть женой политика. Но до этого момента я хочу оставаться собой, хотя бы ненадолго. Клиффорду наплевать. Он ничуть не похож на наших мужчин. Я воплощу мечту в жизнь, прежде чем стать той, кем Синдикат хочет меня видеть.

Мама погладила меня по волосам и вздохнула.

– Я хочу, чтобы ты была собой не несколько лет, а всегда.

Вероятно, тебе все же повезет с Клиффордом.

– Мама, он не должен быть осведомлен о тайнах нашего мира, поэтому мне придется скрывать правду. Иногда.

– Ты всегда была очень мудрой, Анна.

Я закрыла глаза, наслаждаясь массажем головы от мамы.

– Париж прекрасен, – прошептала мама. Они с папой отмечали недавнюю годовщину свадьбы именно в столице Франции.

– Вот бы увидеть его своими глазами!

Руки мамы замерли.

– Защищать тебя – наш главный приоритет.

– Поэтому я не подала документы в Технологический институт моды в Нью-Йорке. Но Париж далек от мировых конфликтов. Я не скажу людям, кто я. Притворюсь обычной студенткой. Сольюсь с толпой. И буду в безопасности.

– Я даю тебе свое благословение, дорогая. Мы разберемся, как защитить тебя. – Мама засмеялась. – Но я понятия не имею, как нам убедить твоего отца.

* * *

Мама вошла в кабинет первой. Если кто и мог мягко надавить на папу, то именно она.

Я расхаживала по коридору. Мне хотелось подслушать, но я отвергла детское желание. В любом случае голоса за дверью были слишком тихими. Родители никогда не говорили

на повышенных тонах.

Казалось, минула целая вечность, когда дверь открылась, и мама жестом пригласила меня в кабинет.

Выражение ее лица свидетельствовало о том, что спор еще не завершен.

Папа стоял напротив окна, заложив руки за спину. Я ода-рила его улыбкой, полной надежды.

Он вздохнул:

– Ты знаешь, насколько опасен наш мир.

– Но Париж не является чьей-либо территорией. Да, он находится далеко, но это преимущество.

Папа натянуто улыбнулся.

– Я вижу ситуацию иначе. Конфликты между кланами не заканчиваются на государственных границах.

– Каморра не отправит никого во Францию, чтобы похи-тить меня. Семья все же соблюдает границы, если речь идет о похищении женщин.

Лицо папы напряглось, как всегда, когда упоминался са-мый мрачный день Синдиката. Я сомневалась, что он ко-гда-нибудь справится с этим.

– А ты не думал, что я буду путешествовать по миру, ко-гда выйду замуж за Клиффорда? У его семьи есть дома для отдыха в Европе.

– Тогда тебя будут охранять секьюрити Кларка.

– Я могу полететь в Париж вместе с Сантино. Он печется обо мне уже много лет и точно сможет защитить и в Париже.

Отец нахмурил брови. К моему удивлению, именно мама выглядела более обеспокоенной моим предложением. Мне определенно следовало вести себя осторожней.

Узнай мама, что я страстно желаю Сантино, она бы не только запретила мне учиться в Париже, но и убила бы моего телохранителя голыми руками.

– Три года – немалый срок, Анна.

– Я стану навещать в Чикаго на праздники, дни рождения и важные официальные мероприятия, вы тоже можете гостить у меня.

– Мы говорим о десятичасовом перелете, а не о короткой поездке на машине, – пробурчал папа.

Я подошла к нему, состроив щенячий взгляд.

Отец был холоден как лед, но мой взгляд способен его растопить.

– Мне совершенно не обязательно учиться три года, но я бы хотела попробовать, хотя бы на некоторое время. Кстати, я не попадаю в неприятности, пап. Ты можешь доверять мне. Я буду примерно себя вести. Просто дай мне почувствовать свободу.

Папа коснулся моей щеки:

– Я защищу тебя любой ценой.

– Знаю, но я буду в безопасности.

– Даже если я позволю тебе уехать в Париж, ты не сможешь начать осенью. Мы условились устроить помолвку сразу после твоего дня рождения. Обучение к тому моменту уже

начнется.

Я закусила губу. Помолвка... я постоянно о ней забывала. Оставалось всего три месяца.

– Ради нее я вернусь в Чикаго из Парижа.

Папа помотал головой:

– Многие важные мероприятия требуют твоего присутствия и после помолвки. Ты можешь начать обучение весной.

– Хорошо, – тихо ответила я, стараясь не выглядеть разочарованной. Однако я утешала себя тем, что частично одержала победу, ведь папа соизволил выслушать меня и более-менее принял тот факт, что я буду в Париже. – Но меня приняли на осенний семестр. Не представляю, позволят ли мне начать позже.

– Я разберусь. У нас есть несколько серьезных контактов во Франции. Уверен, мы что-нибудь придумаем. В любом случае три месяца слишком мало, чтобы найти тебе подходящую квартиру в Париже. Нужно тщательно все спланировать, поэтому весна более вероятна.

– Значит, я смогу отправиться во Францию после твоего дня рождения? – спросила я, пытаясь поставить папу в тупик.

Он вскинул светлую бровь. Отец видел меня насквозь.

– Я поговорю с Сантино. Если он посчитает, что сумеет обеспечить твою безопасность в Париже, я, пожалуй, рассмотрю вариант отпустить тебя в феврале... до следующей

го лета. После мне придется пересмотреть свое изначальное решение.

Я привстала на цыпочки, обвила его шею руками и поцеловала в щеку, которая, как обычно, была безупречно выбрита.

Я никогда не видела отца с отросшей щетиной.

– Огромное спасибо, пап!

– Я еще не сказал «да».

Я усмехнулась и выскочила из кабинета. Когда я оказалась в коридоре, меня наполнила решимость. Сантино, разумеется, не скажет папе, что гарантирует мою неприкосновенность в Париже.

И не потому, что сомневался в своих силах, а потому, что не захотел бы меня сопровождать. Он держал дистанцию после нашего поцелуя, случившегося несколько дней назад.

Мне нужно встретиться с ним еще до того, как он увидится с папой. Я направилась к домику охраны, но Сантино уже шагал мне навстречу, вероятно, направляясь в особняк.

Я схватила его за руку. Он с презрением посмотрел на мои пальцы.

– Что ты делаешь?

– Ты должен сказать моему отцу, что стопроцентно защитишь меня в Париже и готов к поездке.

В его глазах отразилось замешательство.

– О чем ты?..

Я в спешке объяснила ситуацию. На пустую болтовню не

было времени.

– Мне нужны подробности, – протянул он. – Ты хочешь, чтобы я поехал во Францию и защищал тебя двадцать четыре на семь? Целых три чертовых года?

– Наверное, только до следующего лета. Шесть месяцев максимум. Папа не разрешит мне оставаться за границей дольше.

Сантино посмотрел на меня так, будто я бредила.

– Франция. Нячиться с тобой круглые сутки напролет. Большое и жирное «нет».

– Ты должен сказать «да».

– Нет.

Он стряхнул мою руку и направился прочь. Я поспешила за ним и поймала уже в коридоре по дороге в папин кабинет.

– Хочешь, чтобы отец узнал о миссис Альферас и о нашем поцелуе?

В глазах Сантино вспыхнуло недоверие, а затем ярость.

– Пытаешься шантажировать?

– Мне бы не пришлось прибегать к шантажу, если бы тебя заботили мои чувства.

– Я защищаю твое тело, а не чувства.

– Может, тебе стоит защищать и то, и другое.

Он напруг челюсть, демонстрируя злость.

– Значит, ты не настучишь на меня, если я скажу твоему отцу, что с радостью позабочусь о твоей заднице в Париже?

– И что ты как мой телохранитель максимально уверен

насчет моей безопасности.

Если бы взглядом можно было убить, я бы превратилась в пепел. Мне и раньше удавалось разъярить Сантино, но вряд ли когда-либо я видела его настолько злым.

Сантино, не прибавив ни слова, направился к кабинету отца и постучал, прежде чем я успела выпалить что-либо еще.

Поэтому я ринулась прочь, чтобы папа меня не засек. Теперь оставалось надеяться, что Сантино выполнит мою просьбу. Любой здравомыслящий человек солгал бы, чтобы спасти свою жизнь.

Но Сантино иногда вел себя как слабоумный.

Глава 8

Анна

Я ждала в своей комнате, охваченная тревогой. Мне не хотелось врываться в кабинет отца. Еще не время.

Но чем дольше длилось ожидание, тем труднее становилось сидеть сложа руки.

Раздался стук, и я практически подлетела к двери, резко открыв ее.

Мама стояла в коридоре.

– Можно?..

Ее лицо было непроницаемым, и у меня ухнуло сердце. Пожалуй, я могла бы расплакаться, если бы родители отказались отправлять меня в Париж.

Неужели я упускала единственный шанс воплотить в жизнь свои мечты, пока брак не разрушит их?

Я отступила в сторону.

– Конечно.

Мама вошла и опустилась на диван. Я села рядом.

– И? – спросила я, не в силах сдерживаться.

– У твоего отца был долгий разговор с Сантино.

Я кивнула, готовая взорваться.

– Сантино дал гарантию того, что в Париже тебе ничего не будет угрожать. Мы с отцом позволим тебе начать изучать дизайн одежды...

Я вскрикнула и обвила руками шею мамы. Она засмеялась и похлопала меня по плечу.

– Дай мне закончить, – настаивала она, пытаясь дышать в моих крепких объятиях.

Я отстранилась, мои щеки покраснели.

– Мы разрешаем тебе начать обучение, но дальнейшее зависит от общей ситуации и твоего поведения. Если мы в какой-то момент почувствуем, что твоя жизнь находится в опасности, ты сразу же вернешься в Чикаго.

– Конечно, мам. Я буду вести себя прилежно.

Мама посмотрела мне в глаза.

– Отец верит в способности Сантино. Он прекрасно выполняет работу как солдат. – Она замолчала. – Однако не знаю, нравится ли мне мысль о том, что ты останешься с ним наедине в Париже.

Я сглотнула и состроила удивленное лицо.

– Почему? Он охранял меня столько лет!

– Да-да, – кивнула она. – Я твоя мать, но еще и женщина, и у меня есть глаза.

Я изо всех сил старалась выглядеть непонимающей.

Выражение лица мамы ясно дало понять: сейчас не стоит даже играть в такие игры.

– Подобный взгляд действует на мужчин, но не на мате-

рей.

– Почему?

– Отцы хотят верить, что их дочери являются воплощением невинности, поэтому они предпочитают признавать иное в последнюю очередь. Да и то – нехотя.

– Я не собираюсь делать ничего плохого, мам. Я хочу немного пожить, разве мне нельзя?

– Если спросить большинство мужчин в нашем мире, то ты вольна поступать как душе угодно. Если спросить меня... не сложно, Анна.

Я шагала по тонкому льду, рассказывая маме о потаенных желаниях, но она – самый понимающий человек на планете. И, несмотря на традиционные устои нашего мира, была феминисткой и боролась за равные права для женщин и мужчин.

– Я не прочь поразвлечься, прежде чем мне придется стать женой Клиффорда.

– Клиффорд весело проводит время. Подозреваю, что он не будет сдерживаться на студенческих вечеринках, которые ждут его в ближайшие несколько лет.

– Определенно нет, – подтвердила я и поведала маме о странном разговоре, который состоялся у меня с женихом несколько дней назад.

Она коснулась моей руки.

– Уверена, что Клиффорд весьма предусмотрителен. Я не против, чтобы ты развлекалась, но при условии, что ты поль-

зуешься защитой. Благодаря браку с Клиффордом у тебя будет больше свобод, чем у многих женщин... – Она задумалась. – Однако свобода выбора не означает, что мы должны хвататься за любые доступные варианты. Надо всегда оставаться разумными.

Я сообразила, что она намекает на Сантино, но решила затаиться. Случайная фраза может рассекретить больше информации, чем хотелось бы. Мама была начеку, а я грезила о Париже. Я не лишу себя этой возможности только потому, что она думала о моем влечении по отношению к Сантино.

– Но, Анна, пообещай мне держаться подальше от Сантино. Таково мое условие. Если у меня возникнет ощущение, что между вами что-то намечается, первым же рейсом ты прилетишь обратно в Чикаго, а у него появится новая работа.

– Мама, тебе и правда не о чем беспокоиться. Сантино не испытывает ко мне ни малейшего интереса. Он едва ли терпит меня и очень серьезно относится к своим обязанностям.

Взгляд мамы буквально просканировал меня.

– У тебя железная воля, ты любишь добиваться своего, дорогая. И то, и другое может быть преимуществом, но может доставить и неприятности. Я должна быть уверена, что ты соблюдаешь дистанцию с Сантино. Фамильярное отношение негативно отразится на репутации твоего отца, если человек, которого он выбрал для тебя в качестве телохранителя, проявит неуважение к дону и неподобающее поведение к тебе.

Ох. Мама знала, на что надавить.

– Дело в Сантино... или вы с папой хотите, чтобы я осталась девственницей до замужества?

– Речь идет исключительно о Сантино. Он несет за тебя ответственность, он гораздо старше и опытнее. Тебе следует выбрать ровесника, если намереваешься насладиться временной свободой.

Опытность Сантино являлась одной из причин, почему я находила его сексуальным. Складывалось ощущение, что Сантино знает, как доставить женщине удовольствие. Миссис Альферас, вероятно, не стала бы рисковать разгневать мужа ради вялого любовника.

Естественно, я ни о чем не упомянула.

– Папа старше тебя на двенадцать лет.

– Наша ситуация – иная, Анна. Я успела развестись и была взрослой женщиной. А Сантино охраняет тебя много лет, что ставит тебя в невыгодное положение.

Стало ясно, насколько предвзятой была мама.

– Тебе исполнилось двадцать три, когда ты вышла за папу. И даже сейчас ты не можешь получать выгоду в полной мере, ведь вся власть принадлежит мужу-дону. Кроме того, отец видел тебя на светских мероприятиях, когда ты была моложе. И ты призналась однажды, что твой первый брак был ненастоящим. Честно говоря, мы находимся в одинаковом положении. Зато я не замужем за Сантино, поэтому он не имеет права мне указывать.

– Раньше с тобой было легче спорить.

Я ухмыльнулась.

Мама посерьезнела.

– Повторяю, Анна, у меня есть условие. Я не хочу, чтобы между вами с Сантино что-то было. Вот и все. Развлекайся, но не с ним.

– Не волнуйся, мам. Он терпеть меня не может, а я заинтересована в знакомстве с симпатичным артистичным парижанином. Мне нет никакого дела до Сантино. Допускаю, я была капельку влюблена в него, когда мне было двенадцать или тринадцать, но я уже давно не маленькая девочка.

Похоже, мама не до конца поверила мне, однако она все равно кивнула.

Сантино

Когда я вошел в кабинет Данте, сердце бешено колотилось. Я не мог вспомнить, когда в последний раз был настолько зол. Анна загнала меня в угол, и у меня оставался лишь один вариант выбраться из западни: признаться Данте в интрижке с миссис Альферас и сообщить о поцелуе с Анной.

Первое могло привести к неодобрению и предупреждению со стороны дона. Однако последнее могло стоить мне всего, и не только. Папа вкалывал всю жизнь и теперь пользовался большим уважением.

Даже если он не имел никакого отношения к моим поступкам, его бы наверняка втоптали в грязь вместе со мной.

– Сантино, – сказал Данте, коротко кивнув. Он, как обычно, стоял перед окном, заложив руки за спину, однако сейчас на его лице застыло выражение беспокойства. Несмотря на почтенный возраст, он источал силу, и его авторитет с годами уж точно не поубавился.

Дон был в числе тех немногих людей, которых я по-настоящему уважал. И мне не хотелось лгать ему по многим причинам.

– Я попросил тебя прийти сюда, потому что мне нужно твое честное мнение по одному вопросу.

– Ясно. Папа всегда говорит, что надо быть предельно честным, поэтому трудностей не возникнет, – ответил я бодрым голосом, учитывая, что ярость до сих пор бурлила в венах.

Данте полностью развернулся ко мне. Я сразу же приложил максимум усилий, чтобы держать лицо под контролем.

– Анну приняли в Парижский институт моды. Мне нужно решить, могу ли я позволить ей поехать туда.

– Париж? – повторил я с изумлением, словно это было для меня новостью. – Полагаю, вы говорите не о Париже, что в штате Техас.

Данте сухо рассмеялся.

– К сожалению, мечта Анны – провести год во Франции. Или больше.

Неужели она действительно ожидала, что я задержусь во Франции на столь долгий срок?

Я ни за что не стал бы учить французский только ради того, чтобы Анна могла уплетать багет, посматривая на Эйфелеву башню. Я не мог поверить, что позволил Анне шантажировать меня. Зачем я поцеловал ее?

Что, черт возьми, на меня нашло?

– Париж находится далеко от Чикаго.

– Точно. Ты много лет охраняешь Анну, и я доверяю твоим суждениям. Мне надо быть уверенным, что дочери не будет грозить опасность в Париже. Поэтому потребуется как минимум твое присутствие рядом.

Я глубоко вздохнул.

– Для Анны в Париже, вероятно, безопасней, чем в Чикаго, учитывая, что Каморра и Семья тоже находятся далеко. Если мы позаботимся о том, чтобы о присутствии Анны в Париже не было широко известно, и сделаем так, чтобы она жила в столице Франции как обыкновенная студентка, сомневаюсь, что ей будет что-либо угрожать в принципе.

– Ты должен забыть о своих привычках на время учебы Анны в Париже. У тебя будет возможность вернуться в Чикаго, но лишь тогда, когда Анне будет необходимо посещать светские мероприятия. А последнее будет происходить часто, поэтому тебе в любом случае придется рисковать жизнью ради нее.

«Привычки?» – едва не переспросил я.

С тех пор как я стал телохранителем Анны, работал почти каждый день. И это не просто чертова работа с девяти до пяти.

Скорее, с семи утра до десяти вечера. Я должен всегда ошиваться поблизости, когда она, к примеру, намеревалась куда-нибудь пойти. Я был у нее на побегушках.

В общем, единственное тяжелое испытание, которое ждало меня в Париже, заключалось в том, что у меня не будет возможности выбираться куда-то по ночам. А еще я должен спать с открытыми глазами, дабы убедиться, что Анна не прокралась в мою кровать.

— У меня нет ни жены, ни девушки, сестра теперь живет отдельно. И я уверен, что увижусь с отцом всякий раз, когда вы с Валентиной прилетите в гости или когда мы с Анной посетим Штаты.

— Тебе придется жить во лжи. Наверное, целесообразно притворяться, что ты ее брат, и объяснить, почему вы неразлучны.

Брат? Конечно, Данте не хотел, чтобы мы притворялись парой, что, пожалуй, и к лучшему.

Пересеку границы и вновь окажусь перед Данте, а самое главное — вновь настроить себя на то, что Анна — под запретом.

— У тебя не будет свободного времени, даже ночью, — невозмутимо продолжил Данте, словно слышал мои безумные мысли.

Я кивнул.

– Бесспорно. Будет непросто. – Я прочистил горло. – Я именно так и поступлю. Я сумею обеспечить безопасность Анны, но после Парижа хотел бы оставить должность телохранителя и вернуться к работе с Артуро. Я скучаю по заданиям.

Брови Данте сдвинулись. Я понятия не имел, хороший это знак или плохой.

Несмотря на то что я знал дона десять лет, он являлся загадкой.

Наконец он склонил голову.

– Даю тебе слово, что ты станешь головорезом, Сантино. Черт возьми, да!

Мне не терпелось похвастаться перед Анной, но, разумеется, не в ближайшее время.

– Незачем пока вводить Анну в курс дела. Не надо ей думать, что я не стану работать должным образом, поскольку мысли будут витать в другом месте.

Да и маленькая дьяволица найдет способ убедить Данте оставить меня телохранителем или шантажировать, чтобы я не бросал ее на произвол судьбы. После Парижа с меня будет более чем достаточно.

Ситуация между мной и Анной была жаркой, а Париж сулил мне нешуточные риски.

– Я сказал Анне, что ей следует ориентироваться на февраль. Сперва нужно дождаться ее помолвки и организовать

несколько важных общественных мероприятий, а затем она начнет обучение.

– Согласятся ли Кларки, чтобы она отправилась во Францию?

– У них совершенно иные правила, поэтому я должен перейти ко второму пункту.

Я затаил дыхание. Однако, вероятно, мне уже было известно, к чему все идет, а, помимо прочего, отчасти это было связано со мной напрямую.

– Благодаря связи с Клиффордом у Анны больше свободы, чем у многих девушек в нашем мире. Несомненно, Клиффорд говорил ей об этом. Он не кажется мне человеком, которого волнует, чем невеста занимается до замужества и, пожалуй, даже после заключения брака, – неодобительно заметил Данте.

Я удивился. Они с Валентиной согласились на союз с Кларками, но по мне это смахивает на сделку с дьяволом. Порой жизненно необходимо, но не очень-то хочется. Данте не нравился Максимо Кларк, как и его жена.

– Ни их законы, ни наши правила не гарантируют безоговорочную верность, – подал голос я. У меня было изрядное количество романов с замужними женщинами, которые искали утешения в объятиях другого мужчины после десятилетий измен и страданий в молчании. Может, именно поэтому я не верил ни в брак, ни в любовь.

Родители любили друг друга: смерть мамы чуть не убила

папу.

Любовь в любом случае приносила боль.

– В нашем мире любой мужчина знает, что лучше не прикасаться к Анне.

– Правда. – В основном они бы наделали в штаны от страха перед Данте. – Но Анна сильная. Уверен, она в мгновение ока обведет Клиффорда вокруг пальца. – Эти слова могли стоить мне жизни.

Анна – настоящая заноза в заднице и почти каждый день доводила меня до белого каления, но она была и принцессой мафии, гордой и умной, не говоря уже о ее великолепии. Она заслуживала кого-то получше, чем Клиффорд. Хотя бы такого мужчину, который знал бы ей цену, действительно понимал, кем она являлась и какой груз несла на своих плечах.

Клиффорд погружен в проблемы родителей и как одержимый планирует будущую карьеру. Он и не врубился, какой бриллиант ему достался.

– Я поднимаю вопрос не просто так, у меня есть веская причина. Я хочу, чтобы Анна наслаждалась Парижем и даже иногда посещала вечеринки вместе с тобой, однако мне все равно нужно, чтобы ты глаз с нее не спускал. Дочь должна соблюдать наши правила. Ты головой отвечаешь за ее безопасность.

– Я предполагаю, вы подразумеваете мальчиков, которые начнут виться вокруг нее.

– Если Клиффорд или его родители разорвут помолвку –

а они не связаны нашими клятвами, поэтому я не исключаю подобного расклада, – но мне надо убедиться, что Анна не столкнется с досадным скандалом, если вступит в брак с одним из наших мужчин. В этом отношении мир остается старомодным, и наши с Валентиной усилия привести к переменам не увенчались успехом, по крайней мере, в этом отношении.

– Не волнуйтесь, я позабочусь о том, чтобы Анна держалась подальше от мальчишек. – Я бы с удовольствием отрезал член любому парню, который захотел бы положить на нее лапы. Я старался не заикливаться на том, почему это доставляло мне чертов восторг.

– Я ценю твою прямоту, – проронил Данте и медленно подошел ко мне.

Вот и наступил черед предупреждения, которое я услышу с минуты на минуту.

– Как отец я стараюсь не обращать внимания на определенные события, но не могу закрыть глаза на тот факт, что Анна – красивая юная женщина, которая скоро достигнет совершеннолетия, а у тебя нет серьезных отношений. Жизнь в тесном пространстве может заставить Анну или тебя забыть о границах дозволенного.

Я усмехнулся, словно это – что-то нереальное.

– Поверьте, ни Анна, ни я не пересечем границ. Ваша дочь очень целеустремленная и покорная. Она сосредоточится на учебе, а если решит заискивать перед мальчиком, это будет

какой-нибудь француз, увлекающийся рисованием и оперой. Но даже если бы девушка вдруг и заинтересовалась мной, признаюсь, я ни в малейшей степени не испытываю к ней ровным счетом ничего. Меня всегда тянуло к женщинам постарше. – Я не лгал. Мои временные подружки были старше, так уж повелось.

Однажды Артуро в шутку называл меня магнитом для зрелых леди. Я не знал, что такого особенного в Анне заводи-ло меня. Но этого, черт возьми, недостаточно, чтобы заста-вить меня лечь с ней в постель. Я бы лучше нашел опытную француженку, которая составила бы мне компанию.

– Когда я начал здесь работать, отец беспокоился о том, что я буду заглядываться на вашу жену, а не на Анну, – без-думно брякнул я. Однажды я получу пулю в лоб из-за моего члена или рта.

Глаза Данте сверкнули, он приподнял бровь.

– Что, конечно, обнадеживает, – прошептал он.

Я решил держать рот на замке, пока не выплеснул еще более глупую чушь. Данте умел контролировать себя, даже будучи доном, что прямо сейчас спасло мне жизнь.

– Вряд ли мне стоит повторять тебе, что будет, если до меня дойдут слухи о твоём неподобающем поведении по отношению к Анне или моей жене в Париже или в любом дру-гом месте.

– Я – ваш солдат, дон. Нет нужды сообщать мне какие-ли-бо подробности. А зная причудливость Артуро, можно пред-

положить, что он наверняка придумает что-то изощренное для моих пыток.

– Уверен, я разберусь с тобой лично.

Усмехнувшись, я кивнул:

– Пусть для меня и было бы честью умереть от ваших рук, обещаю, до этого не дойдет.

Глава 9

Анна

Сегодня Клиффорду исполнилось восемнадцать. Уже наступил август, а значит, оставалось всего два месяца до нашей помолвки и шесть – до моего временного переезда в Париж.

У меня уже имелся список мероприятий, на которых мне следовало присутствовать. Придется прилететь в Чикаго, чтобы выполнить свои обязанности, но меня по-прежнему будоражила лишь учеба во Франции.

Как и обещала, я протащила Леонаса, Рокко и Рикардо на тусовку Клиффорда. Жених не возражал. Он закатил вечеринку, на которой собралось свыше двухсот гостей, поэтому никто не заметил трех тупоголовых подростков.

Сантино сделал вид, что ему все равно. Он почти не сказал мне ни слова с тех пор, как несколько недель назад я заставила его помочь мне с Парижем.

Когда я выразила ему признательность, он посмотрел на меня убийственным взглядом и прорычал:

– Не благодари.

С тех пор мы особо не общались.

Слова мамы постоянно крутились в моей голове. Точнее, предупреждение. Вот почему я уважала стремление Сантино сохранять дистанцию.

Было тяжело нарушить обещание, данное маме, поэтому я поклялась хотя бы попытаться держаться подальше от Сантино. Конечно, это усилило ночные фантазии о нем. Но ведь тут нет ничего плохого, верно?

Верно.

Я была полна решимости получить максимум удовольствия от вечеринки, не желая тратить ни единой минуты на мысли о Сантино. Он стал моим табу.

Под запретом.

Сначала мы забрали Луизу. Я ухмыльнулась, когда она села на заднее сиденье рядом со мной и Леонасом. Она никогда раньше не посещала вечеринки в моей компании, поэтому я ей искренне обрадовалась.

Луиза могла бы вразумить меня на случай, если я забуду о том, что в моей жизни есть пределы...

Луиза, как всегда, смутилась, поприветствовав Сантино. Она – пай-девочка во всех отношениях, и я любила ее за это. Когда она узнала о нашем поцелуе, ей стало еще труднее разговаривать с Сантино, хотя он пугал ее и раньше.

– Я нервничаю. Моя первая настоящая вечеринка...

Я ободряюще улыбнулась.

– Все в порядке. Просто веселись.

Она кивнула, сжимая сумочку так, словно это спасатель-

ный круг.

Сантино направился в особняк Скудери. Рикардо и Рокко все еще жили здесь с матерью после смерти отца. Они уже поджидали нас и с широченными улыбками помчались вниз по лестнице. Конечно, им не пришлось сбегать из дома, как Леонасу.

Мать парней тратила слишком много психических сил, чтобы преодолеть личную травму, поэтому не особо заботилась о сыновьях.

На заднем сиденье для них не было места, и когда они попытались устроиться впереди, Сантино гаркнул на них. В итоге у них не было другого выбора, кроме как скрючиться напротив нас.

Рикардо ухмыльнулся и переглянулся с братом, когда тот из-за нехватки места прижался к моим ногам.

– Тебе лучше приубавить свой пыл, – пробормотал Леонас.

– Точно, – ответила я. – Или он узнает, насколько острые у меня каблуки.

Рикардо еще раз обменялся взглядами с Рокко, но мальчишки не успели ничего ответить, поскольку Сантино нажал на газ.

Если он думал, что сумасшедшее вождение испортит мой настрой перед вечеринкой, то сильно ошибался.

Мы с Луизой бросили мальчиков, едва прибыли в особняк Кларков, за исключением, конечно, нашей няни Сантино.

Мы сразу же взяли напитки и направились на танцпол. Луиза нерешительно пригубила белое вино.

– Не торопись, – сказала я. Мне не хотелось, чтобы ей стало плохо из-за большого количества алкоголя.

Никогда раньше не видела, чтобы Луиза пила. Я достала телефон.

– Время для селфи! Хочу послать Софии несколько фотографий, чтобы вдохновить.

Ее брак с Данило приносил трудности, и мне было грустно, что она не могла к нам присоединиться. Теперь она жила в Индианаполисе. Мы нечасто виделись, особенно после ее свадьбы.

Мы с Луизой скорчили смешные рожицы на камеру, и я отправила Софии пять самых забавных фотографий.

Какое счастье, что я еще не скоро выйду замуж. Наверное, мне стоило поблагодарить Клиффорда.

– Круто, что и ты не замужем, – заметила я Луизе.

Та поморщилась и пожала плечами:

– Я не прочь, но мама ужасно дотошна, когда дело касается потенциальных женихов.

Неудивительно, учитывая ее предысторию с первым мужем и жестоким насилием. Я не решилась озвучить свою мысль. Луиза никогда не рассказывала о биологическом отце.

– Но ты выйдешь! И могла бы выбрать мужа сама. Сомневаюсь, что твоя мама сказала бы «нет», если бы ты влюби-

лась или испытывала бы к кому-нибудь страсть.

Луиза покраснела при упоминании о страсти. Я засмеялась и подтолкнула ее.

– Ты в самом деле будешь краснеть как девственница в первую брачную ночь. Какая же ты милашка! Твой муж будет в восторге.

Луиза подтолкнула меня в ответ и совсем смутилась.

– Ты с кем-нибудь знакома?

Я помотала головой. Я почти никого не знала. Вот и хорошо. Таким образом, я могла расслабиться и не беспокоиться о неловких ситуациях сегодняшнего вечера, которые могли бы вызвать сплетни и дойти до моих родителей или еще кого-нибудь из нашего круга.

Когда Сантино оказался в моих руках, жизнь значительно улучшилась. Даже его возросшая раздражительность из-за моего маленького шантажа стоила этого.

– Где Сантино? Разве он не должен наблюдать за нами? – занервничала Луиза и принялась озираться.

Сантино согласился присмотреть за нами обоими сегодня вечером, чтобы мы не привлекали чересчур много внимания, появившись Луиза с личным телохранителем. С моей стороны потребовалась толика убеждения, чтобы мама подруги согласилась.

Взрослые всегда считали меня хорошей девочкой, поэтому давали то, что я хотела, даже чрезмерно опекающая Бибиана.

Я обвела взглядом танцпол, а затем и бар во внутреннем дворе. Гости находились на улице, наслаждаясь теплой летней ночью. Я нигде не видела Сантино. Леонас и двое его приятелей болтали с какими-то девушками.

Меня охватило подозрение. Луиза права: Сантино куда-то отлучился. Хотя я сомневалась, что кто-то станет вламываться в дом сенатора, чтобы добраться до меня. Где он? Либо он спрятался в дальнем углу, чтобы побыть в тишине и покое, либо... он не осмелился бы... в основном гости были моими сверстниками, кроме нескольких на пару лет старше.

Если бы Сантино трахнул девушку примерно моего возраста, я бы превратила его жизнь в ад.

«Табу», – напомнила я себе, но сердце проигнорировало разум.

Я жестом показала Леонасу, что пойду в ванную комнату, и он постучал по наручным часам. Я закатила глаза. Жест означал, что брат отправится на мои поиски, если я не вернусь через пять минут.

Всякий раз, когда бразды телохранителя переходили к Леонасу, он становился властным и умным парнем.

На вечеринке собрались избалованные богатенькие детки, которые разрыдались бы оттого, что кусок жевательной резинки приклеился к подошве их обуви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.